

Фалес Аргивянин Мистерия Христа

Фалес Аргивянин

Мистерия Христа

Предисловие

Суть и смысл жизни, этого краткого и нескончаемого, скупого и щедрого, примитивного и бесконечно богатого потока телесных и душевных переживаний, побед и поражений, падений и взлетов, глубоких постижений и горьких разочарований; природа вселенского бытия, его исток и предел стремлений, сокровенное содержание и высшее значение; роль и предназначение пытливого и свободного духа в оковах и теснинах мира сего... — Вечные Вопросы человеческого бытия...

В упорных поисках ответов человечество обрело множество религий, философских школ, оккультно-мистических доктрин и методов духовной практики. Библиотеки, храмовые святилища, монашеские общины, эзотерические ордена и братства, ашрамы наставников и мастеров духа хранят от профанов, но открывают настойчивым искателям необъятное поле достижений души и духа поколений подвижников высокого познания.

Однако, в конце концов, пройдя долгий и захватывающий сознание путь овладения достижениями предшественников, человек вновь встает перед беспощадными центральными Проблемами Бытия — один на один, вооруженный лишь собственным опытом, видением, чувством, разумом и мудростью... И он должен принять решение, определяющее его дальнейший путь...

Автор повести, которую держит в руках читатель, Георгий Осипович Вольский принадлежал к числу людей, томимых неутолимой жаждой постижения сокровенной сути. Она жила в его душе вместе со смутным, но сильным и явственным ощущением присутствия неких глубинных воспоминаний о чем-то необычайно важном и значительном. Эти неосознанные реминисценции стучались в сознание, не находя входа и мучая своего носителя несбыточностью реализации.

Но как и всегда, войдя в высшую степень накала, проблема разрешилась — он встретил человека, способного понять и помочь. Это была известный в Одессе профессор консерватории и не менее известный в эзотерических кругах города духовный лидер Анастасия Васильевна Теодориди. Будучи сама в высокой степени одаренным человеком, не понаслышке познавшим природу внутренней жизни духа, она смогла понять и оценить важность подсознательных душевных борений встреченного ею человека.

Анастасия Васильевна ввела его в тесный круг своих учеников и открыла путь в то состояние сознания, где и хранились сокровенные воспоминания, коих так жаждала его обыденная повседневная память. В измененном состоянии сознания он начинал рассказывать необычайные вещи, которые по-прежнему не мог вспомнить «повозвращении». Но присутствовавшие аккуратно записывали эти удивительные рассказы, становившиеся в литературной обработке Анастасии Васильевны (к которой и были обращены под именем Милеса Афинянина эти речи) посланиями, представляющими собой главы этой повести.

Этот апокриф двадцатого века замечательным образом вобрал и сконцентрировал в себе огромный объем наследия эзотерического христианства в соединении с органичным использованием широкого круга положений и сведений оккультной философии и истории в

целом. Одно это, вместе с замечательным литературным стилем повести, делает ее одним из наиболее выдающихся произведений русской и мировой эзотерической литературы.

Особого внимания заслуживает то, что эта книга принадлежит к совершенно особому и выдающемуся в духовной культуре человечества жанру мистериально-посвятительной литературы, к коему могут быть по праву отнесены лишь весьма немногие произведения. Само прочтение таких книг «переворачивает» и «переплавляет» душу читателя, пропускает ее через свое горнило и преобразует все ее существо... Выйдя из мира прочтенного произведения, как из пламенного жерла вулкана, человек с удивлением ощущает себя совсем иным, возвышенным и необычайно обогащенным. В его душе свершилось Таинство, непостижимое интеллекту, но явственное высшему разуму и духу: даже тело, до последней нервной клеточки, он ощущает иным — просветленным и преображенным.

Однако — как и в прежние времена малочисленных замкнутых мистических братств, строго хранивших свои посвятительные тексты, — это таинство преображения сознания остается доступным лишь немногим.

Ведь подлинный эзотеризм заключается не в физическом сокрытии тех или иных секретов от недостойных ими владеть, а в фундаментальном законе бытия: сокровенная истина может быть (и это так и есть) открыта взору неисчислимых толп, но прозреть ее сможет лишь тот, кто подготовил себя к тому упорным поиском в жажде истинного познания; и откроется она ему лишь в той мере, в какой он реально способен и достоин ее постичь.

Так в добрый путь, благосклонный читатель, — страницы этой книги откроют Вам необычайный и потрясающий душу мир суровой и мужественной Тайны Великой Мистерии Мироздания.

Д.Н.Попов

I. В Саду Магдалы

*Фалес Аргивянин — Эмпедоклу,
сыну Милеса Афинянина, —
о Премудрости Великого галилейского
Учителя — радоваться!*

Слушай, друг мой, внимательно, ибо вот — никогда быть более странная, более таинственная не тревожила ухо смертного. Быль, говорю я, Фалес Аргивянин, а не легенда!

Когда Маяк Вечности увенчал своим светлым лучом моё чело как знак высшего Посвящения¹ Фиванского Святилища², я, Фалес Аргивянин, и Клодий Македонянин, удостоившийся той же степени, приняли из рук Великого Иерофанта³ питьё Кубка Жизни, и он послал нас в тайное убежище к Сыну Мудрости⁴ — Гераклиту, коего людская молва

¹ Посвящение — в эзотерической традиции знаменует переживание качественно нового состояния сознания, выводящего на новый уровень познания и открывающего новые психо-физические возможности. Прохождение определенной последовательности посвящений (инициации) рассматривается как лестница восхождения от неофита к высшему Посвященному (Иерофанту).

² Фиванское Святилище. — В повести Святилищами именуются посвятительные центры конкретных эзотерических традиций. В данном случае речь идет о Фивах — сакральном центре Древнего Египта.

³ Иерофант — от греч. иерофантис — посвящающий (в тайны). Звание, дававшееся высшим адептам, посвящавшим в заключительные Великие Мистерии.

⁴ Сыны Мудрости — здесь, Посвященные, осененные высшей Мудростью (пришедшие на Землю как старшие братья человечества), в отличие от Сынов Жизни — воплощенных на земле ангелов.

нарекла Тёмным, ибо люди не понимали ни его, ни его Учения⁵.

Сколько протекло лет, пока мы впитывали его Мудрость, сколько раз покидали убежище, чтобы нести людям положенные крохи знания, и вновь возвращались обратно, — нет надобности считать.

В одно из таких воплощений, когда я был в мире под личностью философа-стоика, я нашёл тебя, друг Эмпедокл⁶, около мудрого Сократа и завязал покрепче те нити, кои связывали нас⁷ от времён почившего под волнами океана Города Золотых Врат⁸.

Однажды мудрый Учитель призвал нас к себе и сказал:

— Идите в мир — приветствовать от моего имени Нового нашего Учителя, грядущего в мир. Я не скажу вам, где вы Его найдёте. Ваша собственная Мудрость да будет вам указующим перстом...

— Но если этот Учитель столь велик, — сказал Клодий Македонянин, — то почему ты сам, Мудрый, не выйдешь навстречу Ему?

— А потому, — отвечал нам Гераклит, — что я знаю, кто Он. И вот — моё знание говорит мне, что я недостойн встречи с Ним. А вы Его не знаете, знаете только от меня, что Он — Великий Учитель, и ничего больше. Только слепые могут безнаказанно глядеть на Солнце...

Я в ту пору умел ещё повиноваться и молча вышел с Клодием. На другой день верблюды уносили нас к северу, к Святилищу черноликой Иштар⁹. Там последние чёрные

⁵ ...Гераклиту, коего людская молва нарекла Тёмным, ибо люди не понимали ни его, ни его Учения. — Речь идет о древнегреческом философе-пантеисте Гераклите Эфесском (ок. 540-ОК.480 до н.э., согласно Аполлодору), одном из основоположников диалектики, политическом и религиозно-этическом мыслителе пророческо-реформаторского склада. Имел наследственный титул базилевса (царя-жреца), от которого отрекся в пользу брата. Автор трехчастного эзотерического (хранившегося в храме Артемиды Эфесской) сочинения «О вселенной, о государстве, о богословии», написанного метафорическим языком, с намеренной многозначностью, притчами, аллегориями и загадками (отсюда прозвище «Тёмный» и трудности интерпретации). Основная оппозиция, вокруг которой вращается мысль Гераклита, — «единое» и «множественное» (или «всё»). В онтологии, космологии, теологии, политике и этике Гераклит утверждает примат «единого» над «множественным»: истинно и реально только единое — оно тождественно с субстратом «этого космоса», оно единственный истинный Бог, оно обнаруживает себя в «естественном» законе, оно есть высшая этическая ценность (так как высшая цель философии — обожение). Соответственно, феноменальный мир «множественного» увязывается с многобожием, демократией (правлением многих), гедонизмом (любовь к наслаждениям) и отрицается Гераклитом как неподлинный и лишенный ценности.

⁶ Эмпедокл (ок.490-ок.430 до н.э.) — древнегреческий философ, оратор, политический деятель, врач и маг-чудотворец. Основные сочинения — высокохудожественные поэмы «О природе» и «Очищения» — сочетают ионийскую натурфилософию и орфико-пифагорейское учение о душе. Натурфилософия Эмпедокла — синтез ионийской физики, элейской метафизики бытия и пифагорейской теории пропорций. Выделял четыре основные стихии, именуемые главным образом в мифологическом коде: огонь (Зевс), воздух (Айдоней), вода (Нестида), земля (Гера), притяжение, сочетание и отталкивание которых осмысливал как проявления любви и вражды. Космогония Эмпедокла, основываясь на традиции Анаксимандра и Гераклита, строится как бесконечное чередование периодов господства «любви» (когда все элементы-стихии слиты в единый качественно недифференцированный «шар») и господства «вражды» (фазы дифференциации и разъединения сущего, постепенно структурирующегося и совершенствующегося под воздействием возвращающейся любви, которая постепенно вновь становится всеобщей). В «Очищениях» изложил орфико-пифагорейское учение о грехопадении души, ее эволюционном пути перевоплощения через тела растений, животных и людей с освобождением из «круга рождений», после очищения от скверны. Считается основоположником греческой риторики и сицилийской медицинской школы.

⁷ ...нити, кои связывали нас... — Речь идет о кармических связях между людьми, сохраняющихся и в последующих воплощениях, «притягивая» их друг к другу вновь и вновь.

⁸ Город Золотых Врат — легендарная столица Атлантиды.

⁹ Иштар — в шумеро-аккадской мифологии обобщенный образ богини-матери, олицетворение планеты Венеры. Богиня плодородия, любви и вместе с тем — войны. Имя восходит к более древнему — Астар, что у

жрецы, молчаливые, как камни пустыни, направили нас к Великому Центру, к тому, чьё имя — Молчание¹⁰, счёт годам которого утерян планетным календарём и чьё назначение — ждать конца, дабы быть последним могильщиком Земли. Когда мы с Клодием простёрлись перед ним во прах, он ласково поднял нас и сказал:

— Дети! Я видел Его, когда Он был младенцем. Я поклонился Ему¹¹. Если сын мой Гераклит послал вас к Нему — идите. Ныне Он уже сеет семя. Но помните, дети, когда вы найдёте Его — вы потеряете всё...

Больше ничего не сказал нам сын Звезды Утренней¹², чьё имя — Молчание, чьё бытие — тайна, чьё назначение быть восприимчиком и могильщиком Земли, чьё наименование — жрец Неизреченного¹³.

Ничего не сказал он, только указал нам рукою на север. Снова затерялись мы в пустыне. Ни слова не говорили мы, только ловили знакомые нам магнитные токи Мудрости. Мы не боялись «потерять всё», ибо умели повиноваться...

И вот достигли мы Палестины, откуда, казалось нам, исходили токи Мудрости, так странно перемешанные с отвратительными флюидами народа — служителя Лунной силы¹⁴. Мы задохнулись в густоте атмосферы храмов, где царили ложная мудрость, лицемерие и жестокость. Мы говорили со жрецами — хитрыми, богатыми людьми, мы спрашивали их — нет ли между ними Мудрых Учителей. Случалось — нам указывали на таких, но, увы, — мы находили людей ещё более лживых и более глупых, чем толпа, и ещё более жестоких.

Народ — простой народ, забитый и одураченный жрецами, — охотно делился с нами своими преданиями, полными суеверия и искажения. Но я, Фалес Аргивянин, и Клодий Македонянин слышали здесь отзвуки великих сказаний Красной Расы¹⁵, преломлённые в научных призмах солнечной Халдеи¹⁶, исковерканные диким невежеством иудейских жрецов — жалкого наследия ренегата и безумца Хозарсифа¹⁷. Народ этот ждал Учителя, — восточных семитов означало «богиня». Наиболее распространенные эпитеты: владычица богов, царица царей, воительница.

¹⁰ ...чьё имя — Молчание... — Речь идет о главе Иерархии Руководителей планеты, одном из семи Кумар, пришедших на Землю на заре ее эволюции ради покровительства развитию планеты и человечества.

¹¹ «Я видел Его, когда Он был младенцем. Я поклонился Ему». — Евангелие от Матфея (II, 1-12) говорит о магах, или волхвах, с востока, приходивших в Вифлеем почтить рождение Иисуса Христа. Эзотерическая традиция считает их высокими представителями Великого Белого Братства Посвященных (см. притчу «Звезда» в «Криптограммах Востока»).

¹² Утренняя Звезда (Люцифер) — планета Венера, одно из наиболее почитаемых астральных божеств, звезда высших женских божеств древнего мира, в Агни-Йоге именуется Звездой Матери Мира.

¹³ Неизреченный — высшее «проявленное» Божество вселенной, именуемое также Единым.

¹⁴ ...народа — служителя Лунной силы. — В оккультной традиции, связывающей народы и их богов с небесными светилами, иудеи пребывают под влиянием и покровительством Луны.

¹⁵ Расы — в теософской традиции особые психо-физические типы человека, последовательно формирующиеся в процессе эволюции человечества. Красная Раса — так называемая четвертая Раса, населявшая Атлантиду.

¹⁶ Халдея — страна на Ближнем Востоке со столицей в Вавилоне. В 630 году до н.э. халдеи спустились с Кавказских и Таврских гор и овладели западной Азией, в том числе и Иудеей. Долгое время находясь под властью Вавилона, иудеи постепенно усвоили язык и в значительной степени культуру халдеев.

¹⁷ Хозарсиф — согласно Филону (цитирующему Манефона), первое египетское имя Моисея. По египетской версии оккультной традиции (к которой принадлежит рассказчик и которой придерживалась Е.П.Блаватская), Моисей (адепт египетской посвячительной школы) рассматривается как одержимый честолюбием и

но Учителя в пурпуре и бронзе, долженствовавшего, по его мнению, отдать мир под главенство алчных жрецов. Ничего не знал он об уже пришедшем Учителе.

Но вот однажды услышали мы от одного знатного иудея, родившегося и прожившего почти всю жизнь в Афинах, такую речь:

— Я, Никодим, могу указать вам, философы, на одного странного человека. Живёт он в пещере на берегу Иордана. Подите к нему и задайте нужные вам вопросы. Он гол и нищ, ученики его дики видом и нелюдимы. Имя ему Иоанн. Идите скорее, а то я слышал, будто отдано приказание заточить его под стражу за непрерывные нападки на жрецов и даже на самого царя. Однако, философы, — с улыбкой прибавил Никодим, — едва ли вы найдёте в нём нужное... Но почему же вам, Мудрым, не познакомиться с тем, кого наш народ называет пророком?

И мы увидели этого Иоанна. Он был воистину страшен: лишённое одеяния, худое, измождённое, волосатое тело, ногти чёрные; космы никогда не чёсанных длинных волос и бороды ниспадали на его плечи и грудь; голос был хрипл и криклив. Мы узрели его сидящим на камне на берегу реки перед толпою коленапреклонённого народа. Он размахивал руками и неистово, с пеной у рта, изрыгал проклятия и ругательства. Он призывал на несчастное людское стадо гнев Божий, он грозил ему — жалкому, грязному, голодному — страшными муками. Покорно, рабски слушал его народ...

Но мы, на чьём челе горел Маяк Вечности, видели его огненные глаза и опознали в них священный огонь Сынов Жизни¹⁸, видели его флюидические истечения, в коих не было ничего похожего на флюиды человека... И я, Фалес Аргивянин, и Клодий Македонянин поникли головами, размышляя о неведомых нам путях, какими Единый Совершенный шлёт свои токи миру материи, ибо вот — пред нами под грязной оболочкой был, несомненно, Сын Жизни, а не человек.

— Мы приблизились, Аргивянин, — сказал мне Клодий. — Это ли цель наших скитаний?

Но я, Фалес Аргивянин, был холоднее и спокойнее Клодия, и мой не столь горячий и быстрый разум был более земным и потому — увы! — более мудрым.

— Учителем может быть только человек, Клодий, — ответил я. — А это — Сын Жизни!

Мы дождались, пока тот, кого называли Иоанном, погрузил всю толпу в воды Иордана, и она, обруганная, оплёванная и мокрая телом, но счастливая духом, пошла с воем каких-то негармоничных песнопений к городу. Мы спокойно подошли к пророку, оставшемуся в одиночестве на берегу мелководной и грязной реки. Я, Фалес Аргивянин, поднял руку — и обдал затылок и спину Иоанна потоками приветственного тепла Святилища, и произнёс на тайном языке сокровенной Мудрости¹⁹ формулу, призывающую Сынов Жизни.

Иоанн медленно обернулся к нам. Несказанной добротой светились теперь за минуту перед тем грозные глаза.

— Что нужно от раба Господня сынам земной Мудрости? — прозвучал тихий и гармоничный голос, только что неистово и страшно гремевший проклятиями и ругательствами.

— Мы ищем Великого Учителя, — ответил я, Фалес Аргивянин. — Мы несём Ему

стремлением к власти безответственный отступник от обетов своего посвящения, выдавший великие тайны в вульгаризированно-искаженном виде «дикому» народу. Христианизированная же традиция (включая Агни-Йогу) считает Моисея Великим Посвящённым (воплощением Великого Владыки), выполнившим выдающуюся миссию.

¹⁸ Сыны Жизни — ангелы.

¹⁹ ... на тайном языке сокровенной Мудрости... — Эзотерические традиции пользуются особыми сакральными языками сугубо внутреннего употребления. Считается, что существует и единый международный язык Посвящённых — сензар.

привет Святилища и Убежища. Где найти нам Его?

Кротко и любовно глядел на нас Сын Жизни — в человеческой оболочке — Иоанн.

— А знаете ли вы, — спросил он, — что потеряете, когда увидите Его?

— Да, — ответили мы. — Но мы лишь послушные ученики Святилища. И затем, разве плачет вода, когда, выпаренная лучами Солнца, поднимается кверху, теряя свои водные качества?

Ласково улыбнулся Иоанн.

— Воистину, мудры вы, благородные греки, — ответил он. — Как найти вам Учителя? Идите в Галилею. Пусть Всеблагой благословит вас встречей с Иисусом Назарянином...²⁰

И он, возвратив наш мир нам²¹, ушёл.

И я, Фалес Аргивянин, сказал Клодию Македонянину:

— Сдержи полёт ума, Македонянин. Ибо вот — раз Сын Жизни принимает грязное и отвратительное обличье иудейского прорицателя, — то чем должен явить себя Учитель? Не смотри на звёзды, смотри на землю: в прахе земном должна явить себя Истина...

И вот мы поздним вечером приблизились просто, ибо всё в мире Всевышнего просто.

Был вечер, и была полная луна. Нам сказали:

— Иисус Назарянин, которого вы ищете, прошёл в дом воскрешённого Им от смертного сна Лазаря²². Вот дом этот...

Густой сад окружал дом. Когда мы вошли в сад, нам преградили дорогу два человека: один во цвете мужской силы, грубый и мрачный, другой — юноша, кроткий, с длинными льняными волосами, ниспадавшими на плечи.

— Что вам нужно, иноземцы? — грубо спросил первый.

— Видеть Великого Учителя, — ответил Клодий Македонянин.

— Учитель пришёл не для вас, язычники²³, — сердито сказал иудей. — Вы недостойны видеть Его... Идите прочь отсюда...

— Я вижу, что ты, муж, — человек святой и праведный, — ответил я, Фалес Аргивянин. — Что тебе при твоей святости и праведности даст Учитель? А мы — язычники и бедные, невежественные грешники, — мы-то и хотим поучиться у Учителя... Хотя бы затем, чтобы стать такими же святыми и праведными, как ты, великий и благой муж...

Тогда юноша быстро дёрнул за рукав хитона растерявшегося и глядевшего на меня сердито иудея. Он шепнул ему что-то и затем, ласково улыбаясь, сказал мне:

— Не трать, благородный чужестранец, стрел твоего аттического²⁴ остроумия на уничтожение бедного иудея. Присядьте на эту скамью — я сейчас вам пришлю одного нашего товарища, ему скажете всё, что вам надо...

Мы, усталые, опустились на скамью. Но огонь великий горел в сердце Клодия Македонянина и дивный свет заливал мой, Фалеса Аргивянина, разум: мы знали, что нашли Учителя, ибо вот — разве мог скрыться от взора Посвящённого Свет Вечности, разливавшийся над скромным масличным садом в Магдале?

И вот предстал пред нами муж, в белой чистой одежде, с печатью мудрости на челе;

²⁰ Назарянин — человек из Назарета (город в Галилее, где прошли детство и отрочество Иисуса Христа).

²¹ ...возвратив наш мир нам... — «Мир мой даю тебе (вам)» — формула благословения со стороны высокого Посвящённого (см. «Свет на Пути», комментарий к заключению части I).

²² азарь — брат Марфы и Марии, воскрешенный Иисусом Христом на четвертый день после его смерти (Иоанн, XI).

²³ «Учитель пришёл не для вас, язычники». — Для древних евреев, как и большинства других народов, характерно презрение к иноязычным и инорелигиозным народам, именовавшимся языческими.

²⁴ Аттика — в древности область Средней Греции (центр — Афины).

над этим челом горел тайный знак Посвящения Красной Расы, чьи Святилища скрывала далёкая Азия²⁵, откуда пришёл к нам Трижды Величайший²⁶²⁷, где Мудрые населяют целые города²⁸ песками вместе с различными реликвиями древнего магического знания». Руины двух из этих городов в районе оазиса Черчен нашел и отчасти исследовал Н.М. Пржевальский.] и где установлено владычество Треугольника[Треугольник (равносторонний, вершиной вверх) — здесь, универсальный многозначный символ, знак одной из посвященных традиций; основные значения: огонь (как первостихия Космоса) и дух (как всеобщая животворящая суть).]. И увидели мы, что для него не тайна наши знаки Маяка Вечности. Он поклонился нам и сказал:

— Привет вам, братья из Фив. Я — Фома, смиренный ученик Того, Кого вы ищете. Поведайте мне цель вашего путешествия. Кто послал вас?

И полился наш разговор, ведомый на сокровенном языке Святилища Мира. За какой-нибудь час мы узнали от брата Фомы всё то, что предшествовало появлению Учителя, и как и чем угодно было Ему открыться в мире... Великое, благоговейное недоумение охватило нас: ибо вот — приученные искать малое в великом, как могли мы вместить в малом — великое?

— Поистине, — пылко воскликнул Клодий Македонянин, — Учитель этот вмести в себе все сказания и все мифы мира!²⁹

— И претворил их в Истину, — сказал я, Фалес Аргивянин. — Или ты, Клодий, забыл, что сказал нам Великий Гераклит? Или забыл ты, как жрец Неизреченного, чьё имя — Молчание, поведал нам о поклонении Учителю при Его рождении? Готовься увидеть самую Истину, Македонянин...

Фома встал и поклонился мне, Фалесу Аргивянину:

— Я более не имею ничего сказать вам, братья, — промолвил он. — Ваша Мудрость воистину служит вам маяком... Я иду предварить Учителя.

Как только он ушёл, я, Фалес Аргивянин, призвав тайное имя Неизреченного, погрузил

²⁵ ...Посвящения Красной Расы, чьи Святилища скрывала далёкая Азия... — Народы Дальнего Востока считаются прямыми потомками атлантов, как и американские индейцы.

²⁶ Трижды Величайший (Трисмегист) — Гермес, легендарный божественный основоположник египетского оккультизма (герметизм), причисляемый к Величайшим Посвященным Земли. Герметизм, сочетая элементы популярного платонизма, стоицизма и других философских школ с халдейской астрологией и персидской магией, носит подчеркнуто эзотерический характер. Подразделяется на «популярный герметизм», представленный трактатами по астрологии, алхимии, магии и медицине (герметические науки), и «ученый герметизм», представленный трактатами религиозно-философского характера, известными как «Герметический корпус» (наиболее обобщенно-связное изложение учения герметизма в первом трактате корпуса «Поймандр»). Для герметизма характерны последовательное использование мотивов древнеегипетской мифологии (например, культ Солнца-Ра, связываемого с единым высшим Божеством) и интерес к области практического знания (оккультным наукам). Изучение герметизма в средние века связано с интересом к оккультному знанию. В эпоху Возрождения возобновляется интерес к «ученому герметизму», волна которого доходит до Пико Делла Мирандолы, Коперника, Кеплера, Бруно, Ф.Бэкона и Ньютона.

²⁷ ...Азия, откуда пришёл к нам Трижды Величайший... — Согласно Е.П.Блаватской, оккультная традиция Египта преемственна от традиции Индии и Центральной Азии.

²⁸ ...Азия ... где Мудрые населяют целые города... — Возможно, речь идет о древнейшей цивилизации района Таримской впадины, чьи города засыпаны ныне песками пустыни. Ее города, как утверждает Е.П.Блаватская во Введении к «Тайной Доктрине», согласно бытующим преданиям, могли соревноваться с Вавилоном. По ее же словам, индийскими и монгольскими исследователями зафиксированы местные легенды «об огромных библиотеках, возвращенных [отступившими

²⁹ «Учитель этот вмести в себе все сказания и все мифы мира!» «И претворил их в Истину». — Теософская традиция полагает, что мифология всех народов иносказательно отражает фрагменты метаистории мира и фрагментарные образы единой метафизической истины. Это наследие человечества должно быть охвачено и синтетически претворено в единый грандиозный трансмиф (в терминологии Д.Л.Андреева).

себя в созерцание грядущего, и мне дано было увидеть нечто, что легло в основу всего того, что время принесло мне.

Когда я открыл глаза — перед нами стояла женщина, ещё молодая, красивая и с печатью Великой Заботы на лице.

— Учитель призывает вас, иноземцы, — тихо молвила она.

Мы последовали за нею — Клодий Македонянин торопливо, не умея сдержать порыва горячего сердца, а я, Фалес Аргивянин, спокойно, ибо разум мой был полон Холода Великого Познания, данного мне в коротком созерцании грядущего. Холод всего мира нёс я в себе — откуда же было взяться теплоте?

Так вступили мы на террасу, освещённую луной. В углу её, в полумраке тени маслины, сидел Он, Учитель. Вот что увидел я, Фалес Аргивянин.

Он был высокого роста, скорее худощав. Простой хитон с запylённым подолом облакал Его; босые ноги покоились на простой циновке из камыша; волосы и борода тёмно-каштанового цвета были расчёсаны; лицо худое и изнеможённное Великим Страданием Мира, а в глазах — я, Фалес Аргивянин, увидел всю Любовь Мира. И понял всё, независимо от того, что открыло мне, как Посвящённому, духовное окружение Учителя.

А Клодий Македонянин уже лежал у ног Учителя и лобзал их, оглашая рыданиями сад и террасу. Рука Учителя ласково покоилась у него на голове. А приведшая нас женщина полуиспуганно-полунегодующе глядела на меня, Фалеса Аргивянина, спокойно стоявшего пред лицом её Учителя.

Тихой небесной лаской обнял меня взгляд Любви Воплощённой. Голос, подобный голосу матерей всего мира, сказал мне:

— Садись рядом, мудрый Аргивянин. Скажи, зачем ты искал меня? Я не спрашиваю этого у твоего друга... Его рыдания говорят мне всё. А ты?

И я, Фалес Аргивянин, сел одесную³⁰ Бога, ибо холод всего мира был в разуме моём.

— Я пришёл к Тебе, Неизреченный, — спокойно ответил я, — и принёс Тебе привет от Учителя моего Гераклита. Я принёс Тебе привет от того, чьё имя — Молчание. Я принёс Тебе привет от Святилища и Убежища. Я пришёл к Тебе, дабы потерять всё, ибо вот — я ношу в себе Холод Великого Познания...

— А почему же товарищ твой, потеряв всё, несёт теперь в себе Тепло Великой Любви? — спросил меня тихо Он.

— Он не видел того, что видел я, Неизреченный, — ответил я спокойно.

— И ты, мудрый Аргивянин, узнал меня, если называешь меня так?

— Тебя нельзя узнать, — ответил я. — Узнать можно лишь то, что Тебе угодно явить нам. И вот — я ничего не прошу у Тебя, ибо потерял всё и не хочу иметь ничего.

И тихо-тихо коснулась моей головы ласковая рука Его. Но Холод Великого Предведения царил в сердце моём, и я, Фалес Аргивянин, сидел спокойно.

— Мария, — раздался голос Его. — Пусть цветок Любви Божественной, распустившийся в сердце твоём, скажет тебе, кто из сих двух больше любит и больше знает меня?

Глаза женщины вспыхнули.

— Учитель! — едва слышно сказала она. — Любит больше тот, — указала она на Клодия, — а этот... этот... мне страшно, Учитель!

— Даже Божественная Любовь испугалась твоего Великого Страдания, Аргивянин, — сказал мне Он. — Блажен ты, Аргивянин, что полно мужества сердце твоё и выдержало оно Холод Великого Познания, имя которому — Великое Страдание...

— Учитель! — страстно прервала Его женщина. — Но этот... этот, кого Ты называешь Аргивянином, он ближе Тебе! Улыбка тронула уста Назарянина.

— Ты верно сказала, Мария, — промолвил Он. — Аргивянин ближе мне, ибо вот — он ныне предвосхитил в сердце своём то, что скоро перенесу я. Но он — только человек... И так,

³⁰ Одесную (др.-рус.) — справа.

Клодий, — обратился Он к Македонянину, — ты идёшь за мной?

— Я Твой, Учитель, — ответил рыдающий Клодий.

— Я беру тебя к себе...

И рука Неизреченного властно загасила горевший на челе Клодия Маяк Вечности.

— Я загасил крест на челе твоём и возлагаю его тебе на плечи. Ты пойдёшь и понесёшь Иго моё и Слово моё в неведомые тебе страны. Люди не будут знать и помнить тебя; Мудрость твою я заменяю Любовью. Под конец жизни твоей крест, который я возлагаю на тебя, будет твоим смертным ложем, но ты победишь смерть и придёшь ко мне. Отныне я разлучаю тебя с твоим товарищем — ваши пути разделены. А ты, Аргивянин, — обратился ко мне Неизреченный, — ты тоже потерял всё... Что же дам тебе взамен?

— Я видел Тебя и говорил с Тобою, — спокойно ответил я. — Что можешь Ты дать мне ещё?

С великою любовью покоился на мне взгляд Неизреченного.

— Воистину освящена Мудрость земная в тебе, Аргивянин, — сказал Он. — Ты тоже идёшь за мною?

— За Тобою я не могу не идти, — сказал я. — Но я никогда не пойду за теми, кто идёт за Тобою...³¹

— Да будет, — печально сказал Назорей³². — Иди, Аргивянин. Я не гашу Маяка Вечности на челе твоём. Я только возвращаю тебе срок человеческой жизни. Я не беру твоей Мудрости, ибо она освящена Великим Страданием. Неси её в бездны, куда ты, Мудрый, понесёшь свой Маяк.

Возвратись к Учителю своему и скажи ему, что я повелеваю ему ждать, доколе не приду опять. Не ходи к тому, чьё имя — Молчание, ибо вот — я всегда с ним. А потом возвратись сюда и переживи конец мой, ибо только конец мой снимет с тебя тяжесть Холода Великого Познания...

И я, Фалес Аргивянин, встал и, оставив Клодия Македонянина у ног Назорея, медленно поклонился Ему и сошёл с террасы. На дороге попала мне группа молчаливых учеников. И вот — тот, который так грубо встретил меня, отделился от неё и, приблизившись ко мне, сказал:

— Господин! Если я обидел тебя, прости меня.

И я, взглянув, увидел в глубине очей его вражду и непримиримость.

— Нет обиды в душе моей, иудей, — ответил я. — Погаси горящую в очах твоих вражду Любовью твоего Учителя. Мы ещё увидимся с тобою тогда, когда страдание твоё будет больше моего. А пока... о премудрости великой богини Афины Паллады³³ — радуйся,

³¹ «За Тобою я не могу не идти... Но я никогда не пойду за теми, кто идёт за Тобою...» — Эзотерическая традиция принципиальным образом различает земную Церковь как человеческую организацию со всеми ее несовершенствами от «внутренней» (истинной) Церкви. Чисто внешнее поклонение, при отсутствии подлинного следования Богу, резко осуждается самим Христом: «Не всякий говорящий Мне: „Господи! Господи!“ войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного. Многие скажут мне в тот день: „Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?“ И тогда объявлю им: „Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие“» (Матф., VII, 21-23).

³² Назорей (евр., букв. отреченный) — посвятивший себя Богу, приняв обет назорейства: не пить вина, не стричь волос, не входить в дом, где находится мертвое тело, и не присутствовать на похоронах. Таковыми были Самсон, Самуил, Иоанн Креститель.

³³ Афина Паллада — в греческой мифологии богиня мудрости и войны за правое дело. Дочь Зевса и Метиды («мудрости», от греч. метис — «мысль», «размышление»). Силой и мудростью она равна Зевсу. Демокрит считал ее «разумностью». Для поздней античности Афина явилась принципом неделимости космического ума (Плотин, VI, 5, 7) и символом всеобъемлющей мировой мудрости (Прокл, «Гимны», VII). Ее атрибуты — змея и сова. Гомер называет Афины «соваокой», орфический гимн (XXXII, II) — «пестровидной змеей». В ее храме в Афинах, по сообщению Геродота (VIII, 41), обитала огромная змея — страж Акрополя, посвященная богине. Многочисленны сведения о космических чертах образа Афины. Она мыслилась как Судьба и Великая Богиня-

иудей, ибо вот — она, Великая, открыла мне, что между шипами венца Учителя твоего будет и твои шип, шип великого предательства Неизреченного!

Как ужаленный отскочил от меня иудей. Со страхом расступились ученики передо мною, Фалесом Аргивянином, несшим Холод Великого Познания в умершей душе своей. Только один Фома с другим молодым учеником последовали за мною до выхода из сада. Здесь Фома простёрся предо мною, Фалесом Аргивянином, и сказал на языке тайного Знания:

— Великая Мудрость Фиванского Святилища ныне освящена в тебе Светом Неизреченного, Аргивянин. Ей кланяюсь, кормилице моей, ибо вот — мы братья по ней...³⁴

Спокойно стоял я, и ко мне прикоснулся молодой ученик, застенчиво улыбаясь.

— Я чувствую твоё Великое Страдание, Аргивянин, и мне жаль тебя. Возьми эту розу из сада Магдалы. Пусть она согреет моей посильной любовью твоё холодное сердце. Не отвергай дара моего, Аргивянин, ибо роза эта сорвана Учителем, и мы оба ученики Его...

Я, взяв розу, поцеловал и, спрятав на груди, ответил:

— За любовь твою даю тебе старый мир мой, ибо его уже нет в душе моей. Он возле меня — возьми его. Мы ещё увидимся с тобою, и я назову тебе место Убежища, дабы ты мог посетить Учителя моего Гераклита, ибо вот — я вижу, что ваши жизни сходятся в одной точке — его, великого глашатая Мудрости Звезды Утренней, и твоя — великий Апостол Неизреченного!³⁵ Но ты ошибаешься: я не ученик твоего Учителя, я не могу быть им, ибо я знаю, кто Он...

И я покинул Палестину.

Прибыв в Тайное убежище, узрел я своего Учителя, который в великом смятении бросился ко мне:

— О, Аргивянин! — воззвал он. — Наши сердца связаны цепями жизни Духа, и вот — что это за холод смерти идёт от тебя? Моя Мудрость не могла проникнуть за круг Великого Учителя, и я ничего не знаю, что было с тобою. Расскажи мне всё, Аргивянин!

И я, став у колонны, неторопливо рассказал ему всё. И вот — я увидел Великого Гераклита, простёршегося у ног моих.

— Привет тебе, Фалес Аргивянин, мудрый ученик мой, сидевший одесную Бога! — возгласил он. — Благодарю тебя за Великий Крест ожидания, принесённый тобою мне от Него, Неизреченного! Да будет Воля Его!

И я, Фалес Аргивянин, покинул без сожаления Учителя, ибо что было в нём мне, носившему Холод Великого Предведения в душе своей?

Я отплыл в Палладу и там, в тиши Святилища Пелиона³⁶, громко воззвал к Афине Палладе, и она, лучезарная, пришла ко мне, Фалесу Аргивянину, в ночной тиши прохладной рощи, у корней священного платана.

— Я слышала зов мудрого сына Эллады, любезный сердцу моему, — сказала богиня. — Что нужно тебе, Сын Мудрости, от матери твоей?

Мать (ср. рассуждение Апулея о Минерве кекропической и ее ипостасях — Метаморфозы, XI, 5). Афина требует к себе священного почтения, ни один из смертных не может ее увидеть. По мнению А.Ф.Лосева: «На протяжении всей античности Афина остается свидетельством организующей и направляющей силы разума, который упорядочивает космическую и общественную жизнь, прославляя строгие устои государства, основанного на демократическом законодательстве». Отождествляется с римской Венерой и Минервой.

³⁴ «...мы братья по ней...» — Слова апостола Фомы о его принадлежности к эзотерической традиции Египта могут быть соотнесены с находкой в числе гностических рукописей из Наг-Хаммади апокрифического Евангелия, написанного от его лица (см. Апокрифы древних христиан, — М., 1989. — С. 250-262).

³⁵ «...великий Апостол Неизреченного» — здесь, апостол Иоанн Богослов, один из четырех евангелистов, автор Откровения (Апокалипсис).

³⁶ Пелион — гора в Фессалии.

И я вновь поведал всё, что было со мной. Задумчиво слушала меня Мудрая, и вот — её материнская рука была на холодном челе моём.

— И ты, Аргивянин, пришёл мне сказать, что отрекаешься от меня? — спросила она. — Да будет! Тебе, сидевшему одесную Бога, не место у ног моих. Но, Аргивянин! Кто знает, не встретишь ли ты и моей части там, когда исполнится страшное предвидение твоё? Не сверкнут ли тебе мои очи из-под плотного покрывала иудейской женщины? Кто знает, Аргивянин! Велика холодная мудрость твоя, сын Эллады, но ведь мы, небожители, знаем всё же больше тебя. Ты оставил Клодия у ног Неизреченного? Но почём знаешь ты, что я не сидела у этих ног ранее его, тогда ещё, когда заря жизни не занималась над вашей планетой? Посмотри, Аргивянин, — и Мудрая указала мне на Млечный Путь, — сколько садов Магдалы разбросано по Палестинам Небесным?³⁷ Почему я не могла быть когда-нибудь скромной Марией в них? Подумай, Аргивянин, времени у тебя хватит, любимый, мудрый сын мой, сын любимой мною Эллады, сидевший одесную Бога! Я принимаю отречение твоё, ибо предвижу ещё более великое отречение, зреющее в сердце твоём. Воистину, ты не можешь не идти за Ним, но никогда не пойдёшь с теми, кто идёт за Ним!

И богиня слегка коснулась рукой розы, данной мне в саду Магдалы, и снова расцвела роза, и воскресшая любовь горячей волной хлынула в грудь мою, но, встретив Холод Великого Предведения, остановилась...

Ушла богиня, и я остался один со своими думами под сенью священного платана. Я порвал связи с Мудростью, порвал связи с богами. Оставалось порвать последнюю связь — связь с человечеством; и я, Фалес Аргивянин, спокойно пошёл к этой последней цели.

И вот я снова пришёл в Палестину. Тут под покрывалом знатного араба я встретил того, кто мудро правил некогда Чёрной Расой³⁸, и вместе с тем, чьё имя — Молчание, кто поклонился младенцу Иисусу. Он не удивился, что я не отдал ему, Великому, должного поклонения, ибо перед ним раскрыты все тайны. Его взор, спокойно следивший за цепью Манвантар, с участием покоился на мне.

— Фалес Аргивянин, — сказал он. — Я вижу тебя идущим по чужой стезе. Ты, сохранивший навеки Маяк Вечности на челе своём, ещё встретишься со мною в безднах, и мы поработаем с тобою во Имя Того, одесную Кого сидел ты в скромном саду Магдалы...

Друг Эмпедокл! Повторять ли тебе то, что ты уже знаешь о величайшем предательстве, когда-либо бывшем в безднах Мироздания, о величайшем преступлении — о распятии человечеством своего Бога? Нет, я не буду тебе повторять этого. Скажу только, что у подножия креста был я, Фалес Аргивянин, вместе с бывлым правителем Чёрной Расы, и на нас с несказанной любовью покоился предсмертный взор распятого Бога. И взор этот растопил во мне Холод Великого Познания и снял оковы льда с моего сердца, но не изменил решения моей Мудрости.

И в том саду, где был погребён Он и воскрес, я встретил скромную иудейскую женщину, из-под плотного покрывала которой на меня глянули очи богини Афины Паллады. Имя ей было — Мария. Ещё другое имя сообщил мне молодой Иоанн, ученик Распятого, но уста мои хранят тайну³⁹ этого имени. И видел я того ученика, который так грубо

³⁷ ...Млечный Путь, — сколько садов Магдалы разбросано по Палестинам Небесным... — намек на повторяемость миссии Христа для всех цивилизаций вселенной (так, Агни-Йога называет его Великим Путником — см. «Надземное»).

³⁸ Чёрная Раса — так называемая третья Раса (в этой расе, согласно эзотерической традиции, человечество обрело настоящие тела из плоти и подверглось разделению полов); населяла Лемурию — материк в Тихом океане, предшествовавший Атлантиде. В этой Расе впервые воплотились Сыны Мудрости, ставшие водителями народов, а позже — скрывшимися от людей, но опекающими их судьбы Великими Посвященными.

³⁹ ...на меня глянули очи Афины Паллады. Имя ей было — Мария. Ещё другое имя сообщил мне... Иоанн... но уста мои хранят тайну... — Речь идет о Марии Клеоповой (жена Клеопы), сестре Богоматери, матери Иакова младшего и Иосии. Входила в число преданных учеников Христа, присутствовала при его распятии и погребении. Одна из «жен-мироносиц», пришедших по истечении трех дней ко гробу Иисуса и первыми

разговаривал со мною в саду Магдалы. Он бежал весь облитый потом, с выпученными от ужаса глазами и пеной у рта. Он рычал, как дикий зверь. И увидя меня, простёрся ниц и завопил:

— О мудрый господин! Помоги мне, ибо я предал Его и муки всего мира терзают сердце моё!

И я, Фалес Аргивянин, молча подал ему верёвку и указал на близстоящее дерево. Он завизжал и, схватив верёвку, кинулся к дереву... И я спокойно смотрел, как в лице иудея этого принимало смерть всё ненавистное мне человечество...

Ученики Распятого просили меня остаться с ними, но я, Фалес Аргивянин, покинул их, и пошёл к тому, чьё имя — Молчание, и сказал ему:

— Царь и Отец!⁴⁰ Вот я, Фалес Аргивянин, сын свободной Эллады, Посвящённый высшей степени Фиванского Святилища, потомок царственной династии Города Золотых Врат, отрекаюсь ныне от тебя, Царя и Отца, и отрекаюсь от человечества. Моя Мудрость мне открыла, что Владыка Воздушной Стихии⁴¹ принимает дух мой. Отпусти меня, Царь и Отец!

И он отпустил меня, ибо на то было благословение Распятого.

Много лет спустя я встретил на пути моего полёта сгусток человеческого света. То был товарищ мой Клодий.

Он с восторгом рассказал мне, как был распят на кресте во имя Иисуса, и как на земле была замучена мать его и сестры, и как он, Клодий Македонянин, сам помогал им идти на мучения...

Тогда уже не было холода спокойствия в моём стихийном сердце⁴², и я ответил ему:

— Привет тебе, Клодий Македонянин, мудрый ученик земной Мудрости и дитя Любви человеческой! Да как же мне, бедному стихийному духу, не приветствовать тебя, свет человеческий, за то, что ты, предав на распятие Бога своего, возомнил служить Ему тем, что предал на распятие и мучения мать свою и сестёр своих! О человечество, жалкое и жестоковыйное в самом стремлении своём служить распятому им Спасителю своему! О дети змеи, как можете вы быть птенцами голубиными!

И гремящий и гордый своей отчуждённостью от проклятого человечества, я, Фалес Аргивянин, в вихре и буре помчался дальше.

А жалкий комок человеческого света испуганно крестил меня вослед. Крести, крести! Неужели ты думаешь, что Маяк Вечности, горящий на челе моём, не чище твоего креста, который ты запятнал великим предательством? Нет, я получил его не запятнанным страшным преступлением, и ничто человеческое, даже ваша человеческая святость, не запятнает его бледного, но благородного стихийного света.

Да будет с тобою мир распятого Бога, друг мой!

II . Агасфер

услышавших весть о его воскресении.

⁴⁰ Царь и Отец — в настоящей повести, глава Братства Великих Посвященных, Махатм, именуемый в теософии Маха Коганом (т.е. Великим Владыкой).

⁴¹ Стихии — в оккультизме типы первоначальной физической дифференциации протовещества. Различные традиции выделяют разное число стихий; основные: огонь, воздух, вода и земля; дополнительные: эфир, дерево, металл и др. Стихии населены различными существами — от примитивных стихийных духов (в европейской традиции это саламандры — огонь, сильфы — воздух, ундины — вода, гномы — земля) до Духов-Владык. Эволюция стихийных духов отдельна от человеческой и развивается параллельно ей. Именно с этими существами имеют дело маги в своей работе.

⁴² ...в моём стихийном сердце... — Фалес говорит о себе как о существе, перешедшем из человеческой эволюции в эволюцию стихийных духов.

*Фалес Аргивянин — Эмпедоклу,
сыну Милеса Афинянина, —
о Премудрости Бога распятого —
радоваться!*

Слушай, Эмпедокл, — я поведаю тебе великую быль о том, кто пошёл в путь в роковой день распятия Бога, и о том, кто совершает этот путь до сих пор и будет совершать до дня, в который исполнится всё, что предречено Распятым о последнем дне планеты Земля.

Широка была дорога, коей следовала на Голгофу Божественная Жертва⁴³, ибо широка всякая дорога, ведущая к страданию, и узок всякий путь к блаженству. Томительная жара накалила глинистую землю, усеянную выбоинами и затвердевшими глубокими колеями от колёс. В мертвенной тишине полуденного зноя застыла воздушная стихия, не смеявшая ещё верить тому, что совершалось на Земле...

По дороге с гиканьем и воем двигалась гигантская толпа народа. Впереди мерным солдатским шагом шёл бесстрастный пожилой центурион, за ним — два солдата. Несметная толпа улюлюкавших мальчишек окружала то, что следовало за ними, — группу из трёх окровавленных, избитых людей, тащивших на спинах огромные кресты.

Я, Фалес Аргивянин, не стану описывать Того, Кто шёл впереди и к Кому были обращены насмешки и вой окружавшего человеческого стада, — не стану потому, что на твоём языке, Эмпедокл, нет ни слов, ни красок для передачи Божественной Любви, смешанной с человеческим страданием, озарявших кроткое и вместе с тем нечеловечески мудрое лицо Галилеянина⁴⁴. Полосы крови на нём только усугубляли великую, страшную тайну, осенившую это лицо своими воскрылиями.

За Ним следовал гигант идумеянин, гордо и свободно несший на плечах бремя огромного креста. Его большие жгучие глаза с великим презрением глядели на толпу — глаза, в которых отразились предсмертные взоры десятков жертв, павших от руки самого страшного разбойника с большой Тирской дороги. Молча, обливаясь потом и кровью, шёл он, и только порой, когда толпа особенно наседала на идущего впереди, он издавал густое, дикое рычанье опьянённого кровью льва, и толпа шарахалась в сторону, а идущие по бокам римские солдаты вздрагивали и сильнее сжимали рукояти мечей. Совсем пригнувшись к земле под тяжестью креста, едва-едва полз за ними третий. Кровь и пот мешались у него на лице со слезами; но то не были слезы отчаяния — то были слезы отвратительной трусости; он уныло выл, как затравленная гиена, громко жалуясь всё время на несправедливость суда, приговорившего его к позорной казни за ничтожное преступление. А на его лице, с мутными, гноящимися глазами, были отчетливо видны пороки и падения всего мира, смешанные с самым жалким, самым отвратительным страхом за свою жизнь.

Валившая позади толпа была, как и всякое человеческое стадо, — зловонна и глупа. Бездельники, едва оправившиеся от ночной попойки, бесчисленное количество нищих, фанатики, исступлённо вопившие о богохульстве идущего впереди и злорадно издевавшиеся над Ним, просто равнодушные животные, радующиеся предстоявшему зрелищу, блудницы, щеголявшие роскошью одеяний и поддельными красками лица, и между ними — группы важных, прекрасно одетых людей, степенно рассуждавших о необходимости предания казни

⁴³ Божественная Жертва. — 1) Согласно ортодоксально-церковному толкованию, самопожертвование Иисуса Христа — искупление грехов человечества перед Богом Отцом. 2) Эзотерическое христианство смотрит на «Мистерию Голгофы» как на глобальный мистический акт: а) разрушивший преграду между земным и небесным мирами, возникшую после гибели Атлантиды, и б) определивший поражение сил тьмы, ибо казнь Христа кармически обрекла их.

⁴⁴ Галилеянин — человек из Галилеи, северной области Иудеи. Христа называли Иисусом Галилеянином (Матф., XXVI, 69), поскольку там он провел детство и отрочество, начал проповедь, призвал первых учеников и совершил множество чудес.

дерзкого Назорея, осмелившегося порицать первенствующее сословие в государстве и в корне подрывать всякое уважение к нему. То были саддукеи⁴⁵.

Только порою в толпе мелькали бледные, задумчивые, измождённые неряшливо одетые книжники — учёные, на лицах которых можно было прочесть мучительное усилие разгадать неразрешённую загадку, — почему так печален был вчера на ночном заседании Синедриона⁴⁶ великий и мудрый Каиафа⁴⁷, почему он повелел уничтожить все записи о распинаемом ныне неведомо за что Учителе из Назарета, так хорошо знавшем Писание и пророков, Учителе, которого так уважали премудрые Никодим^{48*} и Гамалиил⁴⁹, и, наконец, — самое главное — о чём так долго и грустью шептался Каиафа в углу двора с молодым учеником распинаемого Иоанном? И что значили последние слова Каиафы: «Почтенные братья, избранные Израиля! Саддукеи требуют казни Иисуса Назарянина, именуемого в народе Христом. Если мы не присоединимся к их требованию, то они обвинят нас перед правителем Иудеи в единомыслии с Ним, отвергающим знатность, богатство, родовитость и заслуги на поприще государственном, проповедующим бедность и нищету. Римляне заподозрят нас в желании возмущения, разгонят Синедрион, обложат народ ещё большими податями и в конце концов всё равно распнут Назарянина. Итак, братья, не лучше ли, если один человек погибнет за народ?»⁵⁰

Всё это так, думали книжники, но зачем же тогда уничтожать записи о великих деяниях Назарянина? А что бы сказали они, если бы присутствовали на тайном заседании великого, неведомого им Синедриона, состоящего из двенадцати халдеев, потерявших счёт годам, освящённых знаком Великого Духа Лунного Посвящения таинственного Адонаи, владычествовавшего в Вавилоне под именем бога Бела?

Растерянно, без обычной уверенности, звучал голос того же Каиафы, говорившего Синедриону:

— Посвящённые Бога Авраама, Исаака и Иакова, дети Адонаи, да будет благословенно Имя Его! Пришёл страшный час, которого мы не ожидали. Наша Мудрость бессильна; молчат звёзды, безмолвствуют стихии; онемела Земля; в святая святых храма я не могу добиться ответа от Великого Святилища Луны. Братья! Мы оставлены одни с нашей

⁴⁵ Саддукеи — одна из политических и религиозных группировок в Иудее (Шв. до н.э. —Ив.), объединявшая высшее жречество, землевладельческую и служилую знать. Отрицали доктрину посмертного вечного блаженства либо вечных мук, существование ангелов и злых духов, а также будущее воскресение из мертвых.

⁴⁶ Синедрион (греч. — совет) — вИв. до н.э. высший судебно-политический орган власти в Иудее, заседавший в иерусалимском храме под председательством первосвященника. Находился под контролем римского прокуратора.

⁴⁷ Каиафа — первосвященник Иудеи.

⁴⁸ Никодим — знаменитый фарисей, член синедриона. Посетив как-то ночью Христа, услышал от него наставление о «рождении свыше» и искуплении жертвой Сына человеческого ради вечной жизни и спасения человеческого (Иоанн. III, 1-21). Вступился за Иисуса перед первосвященниками (Иоанн, VII, 51). После смерти Христа открыто отдал последний долг его телу вместе с Иосифом Аримафейским. По преданию, впоследствии принял крещение. Жил и умер в доме своего родственника Гамалиила.

⁴⁹ Гамалиил — известнейший законодатель из числа фарисеев, прозванный «славой закона». Первый наставник Савла (будущего апостола Павла). По преданию, был крещен апостолами Петром и Иоанном. Канонизирован Церковью.

⁵⁰ «...не лучше ли, если один человек погибнет за народ?» — На заседании синедриона, где решалась судьба Христа, «Каиафа, будучи на этот год первосвященником, сказал им: „Вы ничего не знаете и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб“. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на этот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ; и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Иоанн, XI, 49-52).

Мудростью перед великой загадкой простого плотника из Назарета. Братья! Со всех концов Земли я собрал вас на великое совещание, ибо наступает великий час в жизни охраняемого нами народа. Это нам известно. Что нам делать, братья? Как спасти народ и как отнестись к странной загадке назаретского плотника?

Долго, в глубоком раздумье, безмолвствовало собрание, поглаживая длинные бороды. И вот встал Великий халдей⁵¹ Даниил⁵², бывший первым жрецом Вавилона и доверенным могучих царей:

— Братья! И я ничего не могу сказать вам. Моё предвиденье безмолвствует, нет откровений светлых духов Адонаи⁵³; нет разгадки в начертаниях таинственной Каббалы⁵⁴. Кто этот Иисус? Тот ли, кого ожидает весь мир, или странное, неведомое нам порождение глубин иного Космоса?⁵⁵ Как узнать? Таинственны и велики дела его; но чудно и неожиданно учение, отдающее страшные тайны Древней Мудрости⁵⁶ на волю и изучение толпы. А ведь мы призваны хранить тайны этой Мудрости. Итак, кто он: величайший преступник в Космосе или, страшно сказать — Бог? И кем окажемся мы, противодействуя ему или помогая? Страшный час, братья, для нас, покинутых Адонаи, да будет благословенно Имя Его!! Пусть все силы вашей Мудрости будут напряжены, братья, ибо ясно, что недаром мы оставлены одни: этот вопрос должен быть решён только одною Мудростью Земли!

Тут встал мудрый халдей равви Израэль из Ниневии и сказал:

— Братья, мудр наш представитель в светском синедрионе Каиафа! Я вижу там, за занавесью, трёх представителей иных Святилищ Древней Мудрости. Он пригласил их сюда. Я одобряю его поступок, и хотя правила нашего Святилища Луны запрещают нам пользоваться чужой Мудростью, час слишком велик и грозен, чтобы не поступиться буквой. Я вижу знаки двух мудрецов, и только тёмн для меня знак третьего. Братья! Попросим их высказаться в этот грозный час: пусть чужая Мудрость подкрепит нашу!

Безмолвно кивками головы собрание выразило своё одобрение словам мудрого равви Израэля и поступку ещё мудрейшего Каиафы. Из-за занавеси выступили трое: то был я, Фалес Аргивянин, Великий Посвящённый Фиванского Святилища, носитель Маяка

⁵¹ Халдеи — в широком значении — жители Вавилонии; в узком — вавилонские маги.

⁵² Даниил (евр., букв. божий судья, т.е. открывающий от лица Бога его волю) — один из больших пророков Библии. Считается одним из потомков Давида. Еще юношей в числе пленных иудеев оказался в Вавилоне, где научился халдейской мудрости. С ранних лет отличавшийся благочестием и мудростью, он занял высокое положение при царском дворе. Истолковывал царю его необычные сны, сам не раз удостоивался видений свыше и являл чудеса. Слава о мудрости Даниила широко распространилась еще при его жизни. Ныне он почитаем наряду с Ноем и Иовом (Иез., XIV, 14-20). О его смерти ничего не известно, что вполне оправдывает присутствие Даниила в данной повести в качестве бессмертного Адепта.

⁵³ Адонаи (букв. Господь мой) — одно из обозначений Бога в иудаизме. С эпохи эллинизма применяется в устной речи вместо непроизносимого («неизреченного») имени Яхве (Йод-Хе-Вов-Хе).

⁵⁴ Каббала (семитск. — предание) — первоначально эзотерическая доктрина и оккультная система древней Вавилонии, затем оккультное учение арабских и еврейских мистиков, эзотерическое течение в иудаизме, соединившее неоплатонический пантеизм с гностицизмом и иудейской традицией аллегорического толкования Библии. Как отмечает Е.П.Блаватская, кроме того, было создано прикладное ответвление, занимающееся еврейскими буквами как образами, подобными Звукам, Числам и Идеям.

⁵⁵ Космос (греч.) — мир дифференцированной, стройно организованной материи в противоположность изначальному Хаосу.

⁵⁶ Древняя Мудрость. — Речь идет об изначальной единой оккультной доктрине, полученной как откровение через Сынов Мудрости на заре человечества. Проблема реконструкции этого знания посвящен основной труд Е.П.Блаватской «Тайная Доктрина».

Вечности; Мудрый Фома, Посвящённый Треугольника и ученик Назорея, и третий — на нём не было знака, но весь он таинственно сиял голубоватым светом, а лицо его было скрыто от глаз посторонних белым покрывалом.

Первым выступил Фома. Мягким, тихим голосом он сказал:

— Сыны Мудрости Лунной! Я ничего не могу сказать, ибо мой треугольник сложен мною к ногам Того, Кто через день будет вознесён на кресте⁵⁷. Братья по Мудрости земной! Я — ученик Назорея, и не мне говорить вам о Нём...

Безмолвно склонились головы Синедриона перед простыми словами Фомы. Скромно и тихо отошёл он в сторону. Его место занял я, Фалес Аргивянин.

— Нам, присутствующим, — о Премудрости Великого Отца и Сына Мудрости, Гераклита, — радоваться! — так начал я. — Маяк Вечности, горящий на челе моём, — Маяк, зажжённый Гермесом Трижды Величайшим, осветил мне бездны Космоса, и я, Фалес Аргивянин, Великий Посвящённый Фиванского Святылища, постиг Великую Загадку из Назарета!

Разом встали все двенадцать халдеев, и с ними Фома, ученик Назорея, и тот, чей лик был сокрыт белым покрывалом, и низко поклонились мне.

— Привет Великой Мудрости Фиванского Святылища, — пронёсся по залу тихий шёпот.

— Но, — продолжал я властно, — постигнутая мною загадка есть тайна, но не Тайна Земли, а Тайна Космоса и Хаоса. А вы знаете, что такие Истины не могут быть передаваемы, а должны быть постигаемы⁵⁸. И поэтому я молчу. Могу только сказать вам, что Холод Великого Предведения оледенил меня, и страшная загадка Космоса и Хаоса разрушила даже любовь мою к Великому Маяку Вечности, горящему на челе моём! Я сказал всё...

Поражённые и смущённые, вскочили со своих мест халдеи. Раздался снова резкий голос мудрого Даниила:

— Братья! Великие слова мы слышали сейчас, но они оледенили сердце моё. Что это за страшная тайна, которая охватила холодом могучее сердце Великого Посвящённого? Что это за страшная тайна, которая могла пресечь космическую любовь Великого Посвящённого к Знаку его Посвящения? Усугубьте осторожность, мудрые халдеи!

А на моём месте уже стоял таинственный третий. Белое покрывало было откинута: на собравшихся глядели тёмные, глубокие, как бездна, глаза на смуглом, мудром, спокойном, как небо полудня Эллады, лице.

— Великий Арраим! — прошептал Даниил и пал ниц перед Царём и Посвящённым Чёрных. За ним последовали и остальные, даже Фома преклонил одно колено. Только я, Фалес Аргивянин, Великий Посвящённый Фив, потомок царственной династии Города Золотых Врат, остался неподвижным, ибо что было мне, носящему в сердце своём Холод Великого Познания, в величии Земли?

— Халдеи, — раздался металлический, спокойный, но могучий, как стихия, голос Арраима. — Выслушайте меня. Вы, оставленные ныне вашим покровителем только лицом к лицу со своей Мудростью, сами должны найти выход из положения. Великий Посвящённый Фиванского Святылища Фалес Аргивянин, познавший Истину, не может передать её вам, ибо Истина не передаваема, а познаваема. Вам нужно идти по средней дороге — дороге абсолютного предания решения воле Неизреченного. Не помогайте ничему и не противодействуйте ничему. Пусть свершается Воля Единого. На Иисуса Назарянина, если вы

⁵⁷ «...через день будет вознесён на кресте...» — Примечательно, что речь в собрании идет не о судьбе Иисуса, которая изначально определена свыше (и Посвященные прозревают это), а о самой его фигуре и о судьбе его учения.

⁵⁸ ...такие Истины не могут быть передаваемы, а должны быть постигаемы. — Здесь подчеркивается одно из принципиальных положений эзотеризма о мистичности глубочайших истин, которые невербализуемы по своей природе и потому не могут словесно передаваться, а лишь мистически постигаются личными усилиями проникновения в мистирию бытия.

не познали его разгадки, смотрите как на человека. Уничтожьте все записи о Его Учении, жизни и делах. Ибо если всё это от Неизреченного, то Он, Единый, и позаботится о том, чтобы дело Его не угасло. А если это не от Него, то всё и угаснет, ибо вы сами знаете, что только доброе семя приносит плод добрый. Поэтому там, в глубине веков, вы и найдёте, может быть, разгадку тайны плотника из Назарета...

Тишина охватила собрание. Долго думали халдеи, поглаживая длинные бороды.

— Да будет! — вымолвил наконец Даниил, и все как один встали и, склонившись ещё раз пред Арраимом, один за другим покинули место совещания.

Теперь, Эмпедокл, вернёмся со мною к началу моего повествования. Словно желая растопить грешную Землю, пылало Солнце. Толпа будто стала ленивее, стараясь идти там, где порой попадались ещё кое-какие деревья; наконец, почти около самой Голгофы, толпа подошла к длинному ряду больших домов, утопавших в зелени роскошных садов. То были дома богатых саддукеев. Около одного из них стояла группа женщин, очевидно, ожидавшая прихода толпы, и между ними — молодой ученик Назорея Иоанн. Все они окружали высокую, в великом страдании женщину с плотно закрытым лицом; но сквозь покрывало я узнал глаза Матери Великого, Матери, с которой раз говорил и я, Фалес Аргивянин. Об этом свидании я расскажу тебе, Эмпедокл, позже, когда, если будет к тебе милость Неизреченного, ты станешь мудрее. Ибо великие тайны поведаю тебе я, старый друг мой, и твой нынешний мозг⁵⁹ не в состоянии будет постигнуть их.

Когда осенявший всю эту группу кедр бросил гостеприимную тень на лицо Божественного Осуждённого и когда, вместе с тем, Его осияли дивные глаза Его страдающей Матери, — он пошатнулся и упал на одно колено. Послышались омерзительный хохот и насмешки толпы, визгливо обрушилась на Него брань третьего осуждённого, и только второй — гигант разбойник — почти с нежностью наклонился над Ним и даже поддержал одну руку край угнетавшего Назарянина креста.

— Великий Аргивянин! — раздался около меня тихий голос Арраима. — Видишь ли ты ранний всход Божественного семени в глазах кровожадного разбойника?

Видя остановку толпы, шедший впереди центурион подошёл ближе. Его суровый взор солдата окинул толпу.

— Иерусалимские свиньи! — зычно сказал он. — Его отдали вам на потеху, распять Его вы имеете право, но Он идёт на смерть, и я не позволю издеваться над Ним. Он изнемог; Его крест больше, чем крест других. Не поможет ли кто-нибудь Ему?

Толпа оцепенела. Как? Взять крест осуждённого? Принять тем самым на себя часть его позора?

Кто из правоверных иудеев мог бы решиться на это?

— Клянусь Озирисом!* Ты прав, солдат! — раздался вдруг чей-то громовой голос, и сквозь толпу властно протиснулся гигантского роста мужчина с густой окладистой уже седеющей бородой. — Ты прав, солдат! Только гнусные иудеи могут издеваться над страданиями человека, как я слышал, осуждённого в угоду богатым. Вставай, друг мой, я понесу крест твой, будь он хоть свинцовый, клянусь Озирисом и Изидой⁶⁰, не будь я кузнец

⁵⁹ «...твой нынешний мозг...» — Этот фрагмент повествования является элементом беседы бесплотного духа с воплощенным Эго.

⁶⁰ Озирис (Осирис) — в египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира (судья душ умерших). Старший сын бога земли Геба и богини неба Нут, брат и муж Изиды, брат Сета, отец Гора. Коварно умерщвлен Сетом, но воскрешен Изидой и Гором. В дни перехода от зимы к весне совершались мистерии Осириса, воспроизводившие его смерть и воскресение, а вместе с ним и всей природы. В греко-римскую эпоху культ Осириса (наряду с другими греко-восточными культурами богов умирающей и воскресающей природы — Аттиса, Адониса, Таммуза) получил распространение в Западной Азии и Европе. Изида (Исида) — в египетской мифологии богиня-мать, богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и семейной верности. Культ Исиды широко распространился в Греции и Риме. Ее храмы появлялись в Галлии, Испании и Британии. Ее культ как богини-матери существенно повлиял на формирование христианской догматики и искусства. Образ Богоматери с младенцем на руках восходит к образу Исиды с младенцем Гором.

Симон из Кириanei!

Гигант ухватил крест Спасителя и одним взмахом вскинул его себе на плечи. Но глаза его в ту же минуту вспыхнули огнём изумления.

— Да он на самом деле точно из свинца, — пробормотал он. — Как Он нёс его до этой поры?

— Великий Аргивянин! — снова услышал я голос Арраима. — Считай внимательно! Разбойник из Финикии, солдат из Рима и грубый кузнец из Египта! Что скажешь ты о Великом посеве скромного плотника из Галилеи?

Вдруг группа женщин была раздвинута чьей-то белой, властной рукой, и около Божественного Страдальца очутился пожилой, высокий, худощавый иудей в роскошной одежде богатого саддукея. Глаза его блистали дикою злобою, он гневно ухватил Галилеянина за плечо и толкнул Его вперёд.

— Иди! Иди! — только и мог выговорить он, задыхаясь от злобы и ярости. Кротко глянул на него Спаситель.

— Привет тебе, Агасфер! — чуть слышно прошептали Его окровавленные губы, и Он, медленно поднявшись из праха, пошёл за Симоном, нёшим Его крест, пошёл, тихо опершись на руку разбойника, приветливо протянутую Ему. Шумя и крича двинулась за ними толпа, двинулась и группа женщин. Около калитки своего роскошного дома остался один Агасфер, продолжая изрыгать хулу и проклятия вслед Осуждённому.

В одну минуту очутился перед ним Арраим. Я не узнал его: это не был уже скромный паломник, это не был учёный, поучающий мудрости мудрых халдеев, — это был Великий Первосвященник Люцифера⁶¹, его огненный слуга, собравший в себе всё великое магическое могущество Планеты⁶². Неотразимой силой Хаоса сверкали его глаза, и непередаваемый леденящий ужас сковал тело злобного Агасфера. Медленно-медленно поднялась рука Арраима.

— Агасфер! — как сталь звучал его голос. — Тебе говорю твои же слова: Иди! Иди! Иди, доколе Он не вернётся вновь! Иди! От востока на запад лежит путь твой! Иди! Каждое столетие даю тебе три дня на отдых. И пусть вечно работает мозг твой! Иди! Рассматривай, познавай и раскаивайся! Иди! Вот тебе моё проклятие Арраима, Царя и Отца Чёрных! Иди! Именем того, чьё имя — Молчание, кто есть Великий Первосвященник Неизреченного, — говорю тебе: иди!

И вот Агасфер, как будто во сне, вздрогнул, покачнулся и пошёл. Он идёт до сих пор, Эмпедокл. Я видел его и в тайге Сибири, и на улицах Парижа, и на вершинах Андов, и в песках Сахары, и во льдах Северного полюса.

Согбенный, с длинною развевающейся бородой, с горящими глазами, идёт он ровным шагом от полюса к полюсу, с востока на запад, идёт умудрённый великою Мудростью и не менее великим Раскаянием.

Иногда он идёт теперь не один. Глаза Посвящённого могут разглядеть около него белую, сияющую нежно-голубым светом фигуру, как бы ведущую старика Агасфера под

⁶¹ Люцифер (лат., букв. Утренняя, или Светлая, Звезда, т.е. Венера). —1) Здесь, божественный Дух-Руководитель, Демиург, Гений, Дхиан-Коган Венеры. 2) В позднейшем христианстве, одно из обозначений Сатаны как противника Бога, горделивого подражателя божьему сиянию, хотя и сам Христос называет себя Люцифером (см. Откровение Иоанна, XXII, 16: «Я есмь ... звезда светлая и утренняя»). 3) В эзотерической традиции Люцифер выступает в роли Силы, вызывающей нисхождение духа в материю, уплотнение и организацию изначального Хаоса — и потому необходимого элемента эволюции (см. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. — Т. 2, Антропогенезис).

⁶² ...огненный слуга, собравший в себе всё великое магическое могущество Планеты... — В оккультизме огонь выступает в качестве первостихии в начальной дифференциации Хаоса, которая лежит в основе всех остальных стихий. Потому высшее магическое искусство имеет дело именно с огнем.

руки. Что-то тихо и нежно шепчет она ему на ухо, и глаза старого Вечного Жида⁶³ орошаются жгучими слезами, а бледные иссохшие уста шепчут:

— Господь мой и Спаситель мой!

Чудные дела поведал я тебе, Эмпедокл, друг мой. Когда-нибудь, если святой огонь жизни ещё будет тлеть в тебе и моё стихийное сердце будет в состоянии вспомнить без трепета минувшее, я поведаю тебе о последних минутах Бога в образе человеческом.

Мир мой да будет с тобою, друг Эмпедокл!

III . Кубок второго Посвящения

*Фалес Аргивянин —
присутствующим⁶⁴ —
о Премудрости Вечно Юной
Девы-Матери — радоваться!*

Девять тысяч лет тому назад рек Премудрый Гераклит Тёмный:

— Фалес Аргивянин! Пробил час твой! Нынче, когда закатится Святой Ра⁶⁵, ты снизойдёшь в подземный храм Богини Изиды и примешь там Кубок второго Посвящения из рук Божественной Матери. Фалес Аргивянин! Сильна ли душа твоя? Фалес Аргивянин! Чисто ли сердце твоё? Фалес Аргивянин! Мудр ли разум твой? Ибо если у тебя не будет этих трёх качеств, смертный, не выдержишь ты взгляда Великой Богини-Матери.

— Учитель! — ответил ему я. — Сильна душа моя, чисто моё сердце и велик разум мой. Впущенный тобой, бестрепетно сойду я в подземные вместилища храма, и ученик не посрамит своего Учителя.

— Иди, Фалес Аргивянин! — молвил Гераклит.

И когда сумеречные тени покрыли великую гладь Нила, а ночные ветерки задышали из пустыни, охлаждённые от зноя, я, Фалес Аргивянин, завернувшись в плащ и взяв с собою фонарь с возжжённым в нём огнём Земли, спустился в подземный храм Изиды. Долго я шёл узким коридором, который порой понижался до расщелины, где я полз на коленях, не зная, будет ли выход впереди и можно ли мне будет выбраться обратно. Я шёл по сырým лестницам, шёл по гигантским катакомбам, со сводов которых капала вода, и вот... сорок девять ступеней. Взшёл. Дверь, обшитая железом, и на ней — горящие знаки, означающие: «Смертный — остановись!»

Но я, Фалес Аргивянин, шёл за Бессмертием, и что мне были эти предостерегающие надписи?! Твёрдой рукой распахнул я дверь и вошёл. Пахнуло сыростью какого-то гигантского подземелья. Долго я шёл. Гулко раздавались шаги мои по каменным плитам. Вдруг над моей головой, где-то в вышине, блеснул свет; и больше, шире, голубее... Трепетно побежали во все стороны тени; вырисовывались колонны, ниши, статуи, и я увидел себя стоящим в центре огромного храма. Впереди был алтарь: простой, из белого мрамора. На нём стояла золотая чаша, а там, за алтарём, высилась статуя женщины с лицом, закрытым

⁶³ Вечный Жид — утвердившееся в литературе прозвище Агасфера.

⁶⁴ Фалес Аргивянин — присутствующим... — Здесь приветствие рассказчика распространяется на всех присутствующих на сеансе.

⁶⁵ Ра — в египетской мифологии бог Солнца, главный бог Гелиопольского пантеона, культ которого стал общеегипетским. Почитался как создатель мира и людей (возникших из его слез), отец богов. По одной из версий, Ра родился из огненного острова, давшего ему силу уничтожить первобытный хаос и мрак и создать в мире порядок, основанный на истине и справедливости. Правит миром подобно царю, отдавая распоряжения через бога божественного слова Ху и богиню мудрости Сиа. Древние греки отождествляли Ра с Гелиосом.

покрывалом. В одной руке женщина держала сферу, а в другой — треугольник, опущенный вершиной вниз⁶⁶. Пуст был храм: в нём был только я, Фалес Аргивянин, лицом к лицу со статуей Богини Изиды. Ни звука... Ни шороха... Мёртвая тишина. А ведь сюда приходит требующий второго Посвящения, не зная, что делать, не зная, как вопрошать, не зная, как вызывать! Он приходит сюда один, со своей Мудростью, со своей чистотой сердца и силой души. И я, Фалес Аргивянин, мудрый сын светоносной Эллады, потомок царственной династии города Золотых Врат, смелыми шагами подошёл к жертвеннику. Я поднял руки и властно призвал того, кто всегда отвечал на мои призывы как Владыка воздушной стихии⁶⁷.

Лёгкое дыхание пронеслось по храму, и я услышал:

— Я здесь, Аргивянин! Чего ты хочешь от меня в этом страшном и непривычном для меня месте?

— Помощи и совета, — сказал я ему. — Как мне вызвать Великую Богиню Изиду?

— Увы, Аргивянин, я этого не знаю.

— Тогда уйди! — приказал я.

И я, Фалес Аргивянин, остался один со своей Мудростью. Я углубился в моё прошлое, вспомнил всё, что было в Великой Атлантиде. Я смело воспарил в Высочайшие Планы⁶⁸ Разума. Я дерзновенно брался за все тайные учения. Я знал, что если не вызову Богини, то из этого храма не выйду, как не вышли все те, кто спускались в этот храм до меня.

Вот моя Мудрость подсказала мне, как быть. Смело стал я произносить Великие Тайные Моления, которые звучали в Атлантиде, в храме Вечно Юной Девы-Матери.

— Мать Изиды! — взывал я. — Открой покрывало лица Твоего! Я знаю Тебя! Я молился Тебе в Великой Атлантиде! Открой своё покрывало! Я знаю Тебя под именем Вечно Юной Девы-Матери! Великая Мать, открой покрывало жрецу твоему!

И тихо-тихо из отдалённых уголков храма потянулись дрожащие серебряные звуки систрума⁶⁹, где-то вверху зазвенели светлые колокольчики, послышалось какое-то далёкое пение, и храм начал наполняться голубовато-серебристым туманом, а облако этого тумана сгустилось над алтарём. И вспыхнули среди тумана два глаза. Если бы вы, подобно мне, ныне подлетающему к границам Вселенной, видели глубины бездны Хаоса, только тогда вы могли бы составить себе понятие о глубине этих очей. Вот и очертание головы в клафте, лик неземной красоты. Вот гигантский торс, непостижимый по прелести линий. А вот и ангельские хоры... Нет, это голос Богини. И слышу я:

— Аргивянин! Велика Мудрость твоя! Аргивянин, велико дерзновение твоё! Аргивянин, велика будет и награда твоя! Я пришла к тебе, Аргивянин. Я пришла к тебе, старый жрец мой, молившийся мне в храмах Атлантиды. Я пришла к тебе ныне, Великий Светоч Фиванского Святилища, как покровительница твоя — Изиды. Подойди ближе, сын мой! Дай ядохну на тебя дыханием моим.

Сильна была душа моя. Я смело подошёл к алтарю и преклонил колена. И здесь я получил дыхание Богини-Матери.

— Фалес Аргивянин! — сказала мне Она. — В беспредельности Вселенной являюсь я

⁶⁶ Треугольник, опущенный вершиной вниз. — Символ материи (матери), инволюционно нисходящей в состояние плотного вещества.

⁶⁷ ...властно призвал ... Владыка воздушной стихии. — Характерный поступок мага, вызывающего духов природных сил и повелевающего ими.

⁶⁸ Планы — устоявшийся теософский термин для обозначения различных уровней организации и развития материи и сознания.

⁶⁹ Систрум — греческое название храмового инструмента, использовавшегося в Египте. Инструмент из бронзы, золота и серебра с четырьмя струнами и звенящими пластинками металла. Украшался фигурой Иисиды. Согласно Е.П.Блаватской, использовался для создания магнетических токов (через сочетание его металлов) и звуков с целью изгнания темных сил, очищения воздуха и заклинания стихий.

под многими образами. Но только Мудрые, такие, как ты, Аргивянин, могут узнавать меня в бесконечности проявлений моих. Аргивянин, я знала, что ты узнаешь меня. Я знала это потому, что когда ты, Мудрый, получая Первое Посвящение, разговаривал в Элладе со светлой дочерью моей, которую вы называете богиней Афиной Палладой, — я и тогда прочла в твоих мыслях, что всё это одно — Разум, пошедший навстречу Великому Откровению. Я тогда же отметила тебя перстом своим. Я знала, что и сегодня твоя Мудрость останется победительницей.

Чем же я вознагражу тебя, Великий сын мой? Вижу твой ответ: «Ничем, Великая Мать!» Но я вознагражу тебя словами моими, Аргивянин! Странна, непонятна, необыкновенна будет судьба твоя! Ты, будучи человеком, будешь — не человеком. Могущество твоё будет неодолимо. Но, Аргивянин, это могущество тобою будет принесено к ногам... моим. Пройдут тысячелетия, пробегут они над головой твоей, и только тогда ты, Великий в Мудрости своей, поймёшь то, что я сказала тебе в этом храме.

Богиня подняла чашу, поднесла её к правой груди своей, и из груди хлынула струя в чашу. Когда она наполнилась, Изида подошла ко мне.

— Пей, сын мой! Пей молоко твоей Матери!

И я выпил... Удар грома раздался в груди моей; грохот сотен тысяч Космосов пронёсся над головой моей, как будто бесконечно падал я в бездну, возносился к Завесе Огненной⁷⁰. Когда я очнулся, то увидел над собой озабоченное, но ласковое лицо своего Учителя Гераклита.

— Встань, сын мой! Встань, новый Светоч Фиванского Святилища!

Фалес Аргивянин

IV . Беседа с Матерью Бога

*Фалес Аргивянин — Эмпедоклу,
сыну Милеса Афинянина, —
о Премудрости Вечно Юной
Девы-Матери — радоваться!*

В своё время, Эмпедокл, я не нашёл нужным сообщить тебе, что я не сразу покинул Палестину после того, как свидание в саду Магдалы наполнило сердце моё Холодом Великого Предведения.

Я, Фалес Аргивянин, чувствовал всем существом своим, что глубинные тайны сочетания Завесы Огненной с проявленным в Космосе бытием ещё не полностью усвоены моею Мудростью, что загадка явления Бога в образе человеческом не может быть постигнута мною, пока я не пойму Источника Жизни, явившего в бытии плоть Божественную, А постигнуть это я должен был, ибо понимал, что как ни страшен был Холод Великого Предведения, оледенивший моё мудрое сердце, но бездна Премудрости, лежавшая на моём космическом пути, должна была быть исследована полностью. Великий Посвящённый не мог остановиться на половине дороги.

Тихи и пустынные были запутанные, кривые и пыльные улицы маленького Назарета, когда я, Фалес Аргивянин, вступил на них при таинственном свете восходившей Селены⁷¹. Крашенные домики, скрывавшие мирное население, были обсажены масличными деревьями; мне, Фалесу Аргивянину, не нужно было спрашивать пути, — ибо вот — я видел столп

⁷⁰ Завеса Огненная — грань между проявленным и непроявленным бытием, Космосом и Хаосом.

⁷¹ Селена — в греческой мифологии олицетворение Луны (греч. selas, «свет», «сияние»), дочь титанов Гипериона и Тейи, сестра Гелиоса. Играет выдающуюся роль в практической магии.

слабого голубоватого света, восходивший от одного из домиков прямо к небу и терявшийся там в звёздных дорогах. Это был свет особого оттенка, свойственный источнику Великой Жизни, свет Божеств Женских, свет, осенявший главу Вечно Юной Девы-Матери в Атлантиде и окружавший явление Божественной Изиды в Святилищах Фиванских.

Тихо, но уверенно постучал я в дверь этого домика. Его дверь тотчас отворилась, и на пороге появилась высокая женщина, стройность форм которой терялась в широких складках простого грубого платья. Лицо её было скрыто под грубой же кисеей финикийского изделия.

— Что хочешь ты, путник? — на низких грудных нотах прозвучал тихий голос, сразу воскресивший во мне память о звучании серебряных струн систрума в храме Божественной Изиды.

— Я чужестранец, Мать, — ответил я. — Ищу отдыха и пищи. В обычае ли у детей Адонаи принимать усталого путника в столь поздний час?

— Я — только бедная вдова, чужестранец, — послышался тихий ответ. — Наставники в синагоге нашей осуждают одиноких женщин, принимающих странников, а я одинока, ибо сыновья моего покойного мужа работают на полях близ Вифлеема у богатых саддукеев, а мой единственный сын... — тут женщина запнулась — ушёл в Иерусалим. Но у меня не хватает духу отказать тебе, усталый путник, и если кружка козьего молока и лепёшка удовлетворят тебя, то...

— То я призову благословение Божие на тебя, Мать, — ответил я. — Несколько дней тому назад я видел твоего Сына, Мать, и говорил с Ним...

— Ты говорил с ним? Что он... — порывисто двинулась Она ко мне, но сразу остановилась. — Прости меня, путник, прости мать, беспокоящуюся о своём единственном сыне. Войди, отдохни и поешь...

Я, Фалес Аргивянин, вошёл в более чем скромное жилище Матери Бога. Две скамьи, большой стол, жалкая, убогая постель из камыша в углу, прялка у кривого окна да старая светильня на маленькой полочке в углу — вот и всё убранство Храма Нового, в который вступил я, Фалес Аргивянин.

Торопливо поставила Она на стол большую глиняную кружку с молоком, положила чёрную от приставших к ней угольков лепёшку и, поклонившись мне, сказала:

— Вкуси, чужестранец, хлеба нашего...

Поклонился и я и, сев у стола и окинув острым взглядом стоявшую передо мною женщину, сказал:

— Благословен будет хлеб Твой, Мать, а молоко Твоё я уже вкушал... Женщина подняла голову.

— Разве ты был уже у нас, чужестранец? — спросила Она.

Новая страшная загадка бытия Неизреченного прозвучала для меня из Её уст.

Но мне ли, Фалесу Аргивянину, Великому Посвящённому Фив, носящему знак Маяка Вечности на челе, а Холод Великого Преведения в сердце, отступать перед загадками бытия? Я напряг свои силы и окутал её теплом Мудрости моей, сокрывшим дыхание Матери Изиды...

Женщина вздрогнула и села против меня на скамью.

— Ты призвал благословение Божие на дом мой, чужестранец, — сказала Она, — и это точно так, ибо я сразу почувствовала успокоение в сердце моём. Ты видел сына моего и говорил с ним?

— Я видел Его и говорил с Ним, Мать, — ответил я, — и Он благословил меня. Что значит мой призыв, жалкого червя земли, благословения Божия на дом Матери Иисуса, плотника из Назарета, перед Его благословением?

Женщина вздрогнула.

— Ты... ты уверовал в него, чужестранец? Не принял ли он тебя в ученики свои? — тихо, но порывисто спросила Она.

— Нет, Мать, — ответил я. — Не уверовал я в Него, ибо я узнал Его. И не мне быть учеником Его, ибо вот — я всегда — доньне и вовеки буду лишь жалким рабом Его...

— Чудны речи твои, чужестранец,
— помолчав, промолвила Она. — Но на лице твоём я читаю мудрость и страдание великое, и моё сердце, сердце бедной, жалкой вдовы, состраждет тебе и влечёт к тебе. Скажи мне, мудрый чужестранец, за кого ты считаешь сына моего?

— А за кого считаешь Ты Его Сама, Мать? — переспросил я, Фалес Аргивянин.

Женщина вздохнула и стала перебирать пальцами углы покрывала своего.

— Ты, чужестранец, — сказала Она, — как бы принёс сюда дыхание сына моего... Он будто здесь... И полно моё сердце доверия к тебе... Всю жизнь меня мучит заданный тобою вопрос, и — поверишь ли, чужестранец? — разгадка его порою страшит меня. Кто сын мой? Да разве я знаю это, чужестранец? Но моему ли слабому разуму женщины понять всё то, что случилось на скромном пути моём?

И тихим торопливым шёпотом Она стала передавать мне, Фалесу Аргивянину, дивные простые слова о чистом детстве своём в семье простых, чистых родителей, о чудесных голосах невидимых, неустанно шептавших ей странные, дивные речи, о необыкновенных сновидениях своих, о явлении ей светлого крылатого юноши, возвестившего ей слова Вести Благой, о замужестве непорочном и непорочном девственном рождении Сына, которому при явлении Его на свет поклонились три мужа вида царственного...

— Они были похожи на тебя, чужестранец, — сказала Она, — не лицом, нет, а великим миром, которым веяло от них, и чертами мудрости, которую я провижу в тебе... Не было у них только на челе складок великого страдания, путник неведомый...

— А что было дальше?

И снова потекли слова о ранней мудрости Дивного Дитяти, о чудесах, творившихся около Него и творимых Им Самим, о великой любви Его ко всему сущему... Одного только не понимала, казалось, Сама Мать: это той неизреченной, космической любви, которую Она Сама вкладывала в слова Свои о Сыне Своём... И в пылу разговора откинула Она покрывало с лица Своего, и — да будет прославлено Имя Вечно Юной Девы-Матери! — я, Фалес Аргивянин, увидел дивные, прекрасные черты и очи, глубина которых рассеяла мои сомнения, но, казалось, углубила ещё бездну загадки, разверзшейся предо мною.

— Мать! — сказал я ей. — Разве ты не веришь, что Твой Сын — Мессия, предреченный пророками и Моисеем? А может быть, — тихо добавил я, — и больше Мессии?

Испуганно взглянула на меня Женщина.

— Но... ведь он — человек, чужестранец, — шепнула Она недоумённо.

— Но и Ты — простая женщина, Мать, — ответил я. — Ведь и Тебя ничто не отличает от сестёр Твоих. Или, быть может, Мать, Ты не всё поведала мне?

Женщина смущённо опустила голову.

— Вот только одно, — сказала Она, — смущает сердце моё, чужестранец. Я искренно верующая иудейка, старательно исполняю все указания Закона и наставников наших... но... сновидения мои смущают меня...

— Я — снотолкователь из Египта, — быстро сказал я. — Расскажи мне сновидения свои, Мать, и я попробую объяснить Тебе их...

— Да?! — радостно воскликнула Женщина. — Да будет благословен приход твой, чужестранец! Быть может, ты снимешь тяжесть неведения с души моей...

И робко, как бы стыдясь, она начала рассказывать мне сны свои. С первых же её слов заря Великого Понимания занялась в разуме моём. Перед моим мысленным взором проходили среди грохота космических стихий и вздохов зарождающихся миров картины неизреченной, грандиозной жизни всеильной Великой Богини, вскормившей своей грудью новые и новые Космосы, властно попирающей Божественною пятою обломки старых, Богини, устраивающей бытие мрачных бездн Хаоса, Богини, внимающей молениям сотен миллиардов стран, народов, человечеств и эволюции, Богини, повелевающей легионами светлых духов, лучезарного взора которых бежит Владыка Мрака, Богини, слышавшей голос мой — Великого Иерофанта храма Вечно Юной Девы-Матери...

И дивно было мне, Фалесу Аргивянину, внимать рассказам этим из дрожавших уст простой, бедной, скромной вдовы жалкого плотника из Иудеи...

— Скажи, Мать, — спросил я, — не говорила ли Ты когда-либо о снах этих Сыну Своему?

— Говорила, — чуть слышно ответила Женщина.

— И что же Ты слышала от Него, Мать?

— Странен был ответ его, — ответила Она. — Он ласково сказал мне: «Забудь пока, мать, о чудных видениях своих. Но нет греха в них, ибо они — от Господа». И ещё сказал он так: «Когда кончится крест твой, мать, принятый тобою для меня, вернёшься ты в жизнь снов твоих...» Но что это значит — я не знаю...

— Скажи, Мать, — снова спросил я, — не помнишь ли Ты меня среди видений Твоих?

Внимательно оглядела меня Женщина и задумчиво обратила бездонный взор Свой в тёмный угол лачуги.

— Как только ты вошёл сюда, чужестранец, — тихо сказала Она, — я почувствовала, что ты не чужой мне. Но пока тщетно я роюсь в памяти моей... Но... постой... погоди... — И Она вдруг вскинула на меня бездонные очи. — Что значили слова твои о том, что ты пил уже молоко моё?

И Она вскочила с места, не спуская с меня взора, загоревшегося вдруг мириадами солнц.

Встал и я, Фалес Аргивянин, понявший, что наступил великий и страшный момент победы Света над мраком, Духа над плотью, Неба над Землёю, Богини над женщиной...

— Погоди, вспоминаю, — медленно говорила Женщина, и тихо зазвучали из тёмных углов лачуги нежные звуки систрума и серебряных колокольчиков. — Вижу... храм... я... и ты, распротёртый у ног моих... верный слуга мой... другой храм... и снова ты — великий и мудрый... Ты... ты... пьёшь молоко моё... Фалес Аргивянин, верный раб мой!.. — каким-то звенящим аккордом вырвалось из уст Её, и в тот же миг я пал к ногам Великой вочеловеченной Богини Изиды...

Долго лежал я, Фалес Аргивянин, не смея поднять головы, ибо почитал себя недостойным созерцать лик просыпающейся Богини. А звуки дивных неземных мелодий всё ширились и росли, и только порой мне казалось, что в них доминировал какой-то величественный, но грустный и печальный звук, как будто целый Космос жаловался Богу на свою сиротливость без ушедшей неведомо куда Богини-Матери.

— Встань, Фалес Аргивянин, встань, любимый слуга мой, — прошелестел надо мною голос Богини. — Встань и сядь. Забудь Небо, ибо мы здесь не для Неба, а для Земли...

И я, Фалес Аргивянин, встал и сел. Всё было по-прежнему: лачуга, и тёмные углы, и одетая в тёмное грубое платье скромная Женщина с покрывалом на лице.

— Воистину странна судьба твоя, Аргивянин, — продолжала Изида-Мария. — Когда я поила тебя молоком моим, я сама не знала, что тебе предопределено иметь часть в деяниях и бытии моём: явиться в миг тот, когда должен был окончиться земной сон мой. Но он кончился, и отныне я знаю уже, что близок час, для которого я и пришла на Землю. Ты знаешь, о каком часе я говорю, Аргивянин, это тот самый час, от провидения которого оледенело твоё мужественное и мудрое сердце, сын Эллады. Близится Великая Жертва. И ныне я поняла, о каком оружии, долженствующем проникнуть в душу мою, говорил мне пророк, когда я впервые взошла на ступени храма Адонаи... Ужасно, Аргивянин, иметь сердце любящей земной матери, но ещё ужаснее освещать его сознанием Божественным... Так вот о каком кресте говорил мне Тот, Кого я почитала Сыном моим... Вот откуда эта Великая Любовь, связавшая сердце моё с проявлением Неизреченного.

Воцарилось молчание. Низко наклонена была голова Изиды-Марии, Божественные думы кружились подле Её чела, сокрытого покрывалом.

— Аргивянин, — тихо продолжала Она. — Подсказала ли тебе твоя Мудрость, почему именно я являюсь ныне обыкновенной женщиной, под оболочкой которой никто, кроме трёх, а ныне и тебя, Иерофант из Египта, не узнаёт Богини-Матери? Божественный Сын мой

должен был явиться на Землю человеком, ибо только человек может спасти человечество, а для того и родиться должен был от земной матери. Но ничто не должно было смущать взоры и ум людей при явлении Бога Вочеловеченного — и вот я по воле Неизреченного приняла плоть человеческую...⁷² Мало того, Аргивянин, — я даже отдала своё сознание, променяв его на сознание земной женщины, до той поры, пока мне не понадобится сила и мощь Богини, дабы выполнить возложенную на меня задачу. И отныне я не дам никому заметить пробуждения моего — я остаюсь прежней Марией вплоть до конца земных дней моих, который ничем не будет отличаться от конца дней каждого человека... В жизни каждой Девы-Матери, рождающей новую землю, бывает, Аргивянин, такой миг, когда она, выполняя высшее назначение своё, вбирает в себя скорби и печали всего ею рождённого, и для этого мига нужны всё могущество и вся мудрость её, дабы воистину остаться Матерью Всего Сущего, ибо, только родив Бога, познаешь всю Аюбовь Бога, до сих пор мирно дремавшую на полях Рая Всевышнего, в Саду Матерей Божественных... Когда этот страшный миг придёт, будь там, Аргивянин, около меня. О, не для того, чтобы помочь мне, ибо мне никто не поможет и не должен помочь, а для того, чтобы великая Мудрость твоя стала ещё больше от лицемерия двух Жертв Божественных... А теперь, Аргивянин, собери Мудрость твою и вызови предо мною лик Сына моего, ибо я, восстав от сна, нуждаюсь в ободрении взгляда Его... Сама я не имею права чем-либо выходить из границ возможностей женщины Земли обыденной...

И я, Фалес Аргивянин, встал и, властно воззвав к лукавым духам отражения, повелел им послать образы наши в пространство и вместе с ними разослал и огненные стрелы мыслей моих. Вихрем заколебались вокруг нас блики отражений дорог, полей, садов, деревьев... дрогнули... остановились.

И вот увидели мы одинокую маслину среди зеленеющих полей; несколько человек мирно спали около дерева. А один сидел, склонившись на камень неподалёку. Это был Он — Сын и Бог. С тихой, воистину Божественной лаской глядел Он на Мать Свою...

— Благословение Отца да почиет на тебе, проснувшаяся Мать моя, — сказал Он. — Свершается предначертанное от века Земли сей. Гряди в Иерусалим, Мать, близка цель пути креста нашего...

И Божественный взор Его остановился на мне.

— Ты свершил всё, что должен был свершить, мудрый сын Земли, — сказал Он. — Доканчивай пути земного странствования своего, ибо столь велики тайны, открывшиеся тебе, что Земля не удержит тебя, Аргивянин. Я вижу распускающиеся за спиной твоей крылья, сын Эллады, — от звезды к звезде будешь летать ты и Знак Креста моего понесёшь к границам Мироздания, проповедуя Имя моё и Имя Матери моей...

Он протянул благословляющие руки свои, и видение исчезло.

И снова я простёрся пред Матерью Изидой.

— Великая Мать! — воззвал я. — Всё, что имею я, и всё, что буду иметь, всё приношу я к ногам Твоим. Мать Великая, оледенели сердце и разум мой, и вот вижу я, что я — нищ и ничего мне не нужно...

Ласково коснулась меня рука Изиды-Марии.

— Встань, слуга мой, встань, раб Бога Неизреченного. То, что сказал Сын мой, должно исполниться. Но никогда никакие крылья твои не унесут тебя от любви и дыхания моего, Аргивянин... А теперь гряди в путь, мудрый сын Эллады, ещё раз мы встретимся с тобою у подножия креста Сына моего...

И я ушёл. И были тихи поля, и была тиха ночная дорога, и тихо Селена струила свет свои — и все это отражалось холодными бликами в ледяном сердце одинокого странника, нёсшего в груди своей страшную Мудрость Видения...

И только где-то в вышине, у голубого свода, звучали ещё струны неведомого систрума,

⁷² «...и вот я по воле Неизреченного приняла плоть человеческую...» — Ряд известных эзотерических источников также утверждает величие образа Богоматери: «Мало знает история о Матери Великого Путника, которая была не менее великой, нежели Сын» (Агни-Йога. Надземное, 146).

будто ангелы Неизреченного, охраняя покой вочеловеченной Матери-Изиды, тихо перебирали их крылами своими...

Мир тебе, Эмпедокл!

Фалес Аргивянин

V . Третье Посвящение

*Фалес Аргивянин —
присутствующим —
о Премудрости Вечно Юной
Девы-Матери — радоваться!*

Теперь расскажу я вам о своём третьем Посвящении.

Шесть тысяч лет тому назад все тайные Святилища планеты Земля получили уведомление, что Посвящённые второй степени, желающие принять третье Посвящение, должны собраться в Тайной зале Белого Братства⁷³ в количестве двенадцати для подготовки к принятию Великого Посвящения.

Меня призвал Великий Гераклит. Он возложил на меня свои руки и, заглядывая в мои глаза своими огненными очами, сказал мне:

— Аргивянин, великий сын мой! Хочешь ли ты удостоиться Великого Посвящения?

— Да, — ответил я.

— Аргивянин! — продолжал Гераклит, и смутные черты заботы избороздили его лоб, — Аргивянин, готов ли ты? Помни, что испытание на Великое Посвящение грозит ужасающими последствиями для того, кто не выдержит его. Тот, кто не выдержит искуса, — тот лишается всего, возвращается в качестве бедной первоначальной монады в человеческое стадо и начинает всё сначала⁷⁴. Таково наказание за гордость, не соответствующую знанию. Поэтому я спрашиваю тебя: Аргивянин, готов ли ты? Я не хотел бы потерять тебя, любимый сын мой, гордость Эллады!

— Не бойся, я готов, — ответил я. Опустил руки Гераклит.

— Видишь, Аргивянин, Посвящение, принятое мною более сотни тысяч лет тому назад, оставило во мне ещё много человеческого. Я полюбил тебя. Но нам не дано знать своего будущего.

— Отец мой, я не боюсь ничего. Отпусти меня, и как я не посрамил тебя в подземном храме Богини Изиды, так не посрамлю и теперь.

И я получил благословение Гераклита и отправился в Гималаи. В подземном зале Гималайских чертогов я был встречен Тремя: Царём и Отцом планеты Эммельседеком, закутанным в белый плащ Арраимом и вечным красавцем Гермесом. Нас было двенадцать, и мы услышали речь Эммельседека:

— Дети мои! Вы посылаетесь на испытание в иной мир⁷⁵, и там вам будут даны

⁷³ Белое Братство — Братство высших Посвященных Адептов планеты.

⁷⁴ ...возвращается в качестве бедной первоначальной монады в человеческое стадо и начинает всё сначала. — Испытание высокого Посвященного свидетельствует либо о том, что он завершил путь человеческого развития и готов к более высокой ступени, либо, что его попытка «ускоренного развития» не привела к успеху, и тогда он теряет этот неудачный комплекс духовных накоплений и вновь вступает на путь человеческих перевоплощений в том же состоянии, как в первый раз (без какой-либо памяти о прошлом).

⁷⁵ Иной мир — здесь, другая планета. В теософской литературе понятие «мир» часто применяется по отношению планеты.

великие задачи. Но там вы будете предоставлены только своей Мудрости, ибо небеса будут для вас закрыты. Весь мир будет глух к вам, и только со своей Мудростью вы будете иметь дело. Я говорю мало, дети мои, но вы меня понимаете. Готовы ли вы? Кто чувствует, что не готов, пусть останется, ибо гибель неизбежна для невыдержавшего испытания и моё отцовское сердце обольётся слезами.

Мы все молчали. Никто не признал себя неготовым.

Нас привели в храм, где было двенадцать каменных лож. Нам дали ароматного напитка, окутали столь же ароматными чарами, и мы уснули сном магов, лёжа на этих мраморных ложах. Когда мы проснулись, мы увидели себя почти в таком же храме, но странная картина представилась нам: невиданные окна, украшенные цветами и странной живописью, алтарь, не похожий на наш алтарь, тоже с какой-то странной живописью и с какими-то странными письменами... Мы встали и подошли к окнам. Нашим глазам представилось дивное зрелище: какие-то бесконечные дали, леса неведомой окраски; воды, отливающие серебром и принимающие цвет золота у берегов... Нас окружали какие-то новые ароматы, слышались какие-то таинственные звоны — то были звоны цветов, растущих у храма. И вот — раскрылись двери, и перед нами оказался старик, тело которого прикрывала только повязка вокруг бёдер, и сказал он нам:

— Царь и Отец планеты просит вас к себе...

Мы пошли, пошли дивным садом, где были невиданные нами до сих пор цветы, поющие и звенящие, там пели фонтаны, их вода издавала дивную музыку. И вот мы пришли в ещё более дивный зал, сооружённый из мрамора и нефрита, принявший нас в свои объятия. Посреди зала стоял трон, а на троне сидел могучий мужчина гигантского роста, с чёрной гривой волос, ниспадавшей на плечи, с огненными глазами, властный взор которых как будто оледенил наши мудрые души. Он встал с трона, поклонился нам и сказал:

— Дети далёкой Земли! Я просил ваших руководителей прислать вас ко мне. Я Царь и Отец планеты, во много раз большей маленькой Земли. Далеко в Космосе разнеслась весть о вашей Мудрости, и я призвал вас помочь мне устроить мою планету. Вы будете учителями, вы будете жрецами и руководителями моего народа. Народ мой добр, но он — дик, и вы должны будете вести его по пути эволюции, которая царит на вашей маленькой Земле!

И мы склонились перед Царём и Отцом...

Я буду передавать только главное. Работа началась. Дивный разум был у Царя и Отца планеты: он всё знал; он, казалось, проникал в жизнь каждой былинки; и мы, мудрые, ретиво принялись за работу. Мы стали царями, мы стали Великими Учителями, мы стали Первосвященниками... Народ оказался весьма восприимчивым, но он был очень молчалив. Все начали вести работу, кроме одного: один отказался нести миссию царя, отказался нести миссию Великого Учителя, отказался нести миссию Первосвященника. И этот отказавшийся был — я, Фалес Аргивянин! Я спокойно смотрел в гневные очи Царя и Отца планеты и говорил ему:

— Царь и Отец! Для того чтобы быть наставником твоего народа, надо сначала узнать его, и пока я не изучу его, я не приму никакой миссии. Нахмурился Царь и Отец.

— Сколько же тебе нужно времени, Аргивянин? — спросил он меня.

— Наш земной год, — ответил я.

— Как же ты будешь изучать его? — спросил меня он, пытливо вглядываясь.

— Я буду ходить среди твоего народа, буду смотреть, буду спрашивать и буду думать.

— Но ты же человек, и у тебя есть человеческие потребности, как же ты будешь существовать?

— Царь и Отец! — ответил я. — Ты знаешь, что я, как Посвящённый второй ступени, могу существовать без пищи целые годы. Но и, помимо этого, разве в маленьких хижинах не найдётся для странника куса хлеба? Разве в твоём народе я не найду простого благородного отношения к страннику?

— Да, конечно, — согласился Царь и Отец, — но ты меня удивляешь своей просьбой и

своим отказом. Через год я жду тебя здесь, иначе я могу подумать, что ты только теперь решил отказаться от возложенных на тебя забот, а сделать это ты должен был на Земле.

— Царь и Отец, — сказал я. — Мы думали, что ты только мудр на своей планете, а теперь я вижу, что ты также мудр и в земной Мудрости, ибо ты знаешь всё, что делалось в земных храмах Посвящённых в Гималаях.

И я ушёл, чувствуя его стальной взор на своём затылке.

Я проходил земли, где мои братья прилагали все старания, чтобы забросить семена земной Мудрости в чистые, девственные сердца. Чудная природа, освещённая двумя солнцами и тремя лунами, была поистине сказочной. Работа захватила моих товарищей. Они помнили завет, что надо сливаться с ближними, они вошли в жизнь планеты, они стали даже супругами на этой сказочной планете. А женщины здесь были непередаваемо прекрасны, и на всей этой планете, казалось, проявилось само небесное блаженство. Это была сплошная радость, и если была одна тёмная точка на всей планете, то это был я. В тёмном плаще, с посохом, шёл я по прекрасным просёлочным дорогам, проведённым моими товарищами. Часто они просили меня заходить к ним, приглашали переночевать в своих роскошных убежищах и считали меня погибшим. И вот к концу года я подходил к дворцу Царя и Отца планеты. Пыльный и неумытый, с всклоченными волосами, я взошёл по блестящим ступеням дворца. Царь и Отец сидел на своём троне, окружённый блестящей свитой, среди которой был и кое-кто из моих товарищей в своих пышных одеяниях. И я встал перед Царём и Отцом.

— Ну что, Фалес Аргивянин, готов ли ты стать на работу?

Как будто с огромного купола на мраморный пол упала капля в тишине — так прозвучал мой ответ:

— Нет!

Гневно вскочил Царь и Отец.

— Аргивянин! Ты подписываешь свою гибель: разве ты забыл, что я вызвал тебя? Подумай!

— Я думал целый год, — ответил я.

И случилось нечто невообразимое: усталый, грязный путник Земли придвинул своей грязной рукой золочённый стул к трону Царя и Отца и сказал ему:

— А теперь мы поговорим... Гневен был Царь и Отец, он как будто задыхался.

— Презренный червь, как ты смеешь?! — закричал он.

И тихо покачал головою я:

— Оставь, оставь и позволь мне задать тебе несколько вопросов. Ты именуешь себя Царём и Отцом. Скажи мне, где Строители этой планеты?⁷⁶ Скажи мне, кто стоял у колыбели твоего народа? И если кто-нибудь стоял возле неё, то он был послан Единым Неизреченным, да будет благословенно Имя Его! А если он был послан, то этот кто-нибудь должен же был исполнять заветы Единого? Где Мудрость твоей планеты? Твоя планета велика, велик и народ, и сказочна атмосфера твоей планеты. Если столь дивно одарён мир твой, то к чему было призывать мудрецов с Земли, и мудрых не первых, а посредственных? Ты нам сказал при первом приёме: Земля, прославившаяся в Космосе своей Мудростью... Я этому не поверил, Царь и Отец! Ибо что такое Земля? Разве мы, Мудрые, не знаем? Мы же знаем это! И я был безмерно удивлён, когда мои товарищи забыли это и ревностно принялись за исполнение возложенных обязанностей, не понимая того, что в этом была заложена ловушка. Где было благословение на воспитание планеты? Разве они забыли, что благословение на воспитание даётся Единым? Откуда явилась у них та гордость, которая заставила их принять твоё предложение? Как я могу быть наставником детей, родителей которых я не знаю? Только гордость могла затуманить их разум, но я, Фалес Аргивянин, я не поддался на это. Ты, Царь и Отец, ты сам говорил, что народ твой хорош, что он добр, что он

⁷⁶ ...где Строители этой планеты? — В оккультной космогонии каждое планетное тело строится иерархией астральных демиургов, становящихся гениями планеты.

благороден, что он мудр. Мы застали чистоту нравов, мы застали Мудрость — так зачем была нужна здесь Мудрость Земли? Скажи мне это.

Но Царь и Отец, понявший вопрос мой, Фалеса Аргивянина, молчал, ибо знал, что наши разговоры будут опасны.

— Скажи, Царь и Отец, — продолжал я, — а где на твоей планете следы благословения Единого? Почему здесь нет Мудрых? Почему нет семян Божьих? Почему нет посева? Ибо жнец придёт и на твою планету, если только она и на самом деле существует в Космосе...

Я протянул руки и со всей силой, данной мне великой Мудростью, возгласил:

— Отец Единый, Неведомый, Неизреченный! Пошли мне, Единый, Луч Твой, дабы победить соблазны, окружившие меня! Разрушить всё предотделяющееся очам моим как следствие человеческой гордости жалких червяков... Единый, Неизреченный! Услышь меня! Ибо вот — я один, оставленный с Мудростью моей, понял, что только Ты можешь спасти меня...⁷⁷

И, свершив моё моление, я взглянул на Царя и Отца, и тихая радость засияла в сердце моём. Поблекли краски зала, поблекли одежды Царя, и поблекла его царственная гордость. Он как-то сморщился, сжался, и только глаза жалко смотрели на меня. Я понял всё и сказал Великую Формулу Посвящённых. Раздался стон, раздался грохот, как будто рушились миры, и я полетел в бездну, но сознания не потерял. Я почувствовал, как чьи-то дивные, тёплые руки обняли меня, и почувствовал ласковое лицо Матери моей Изиды, и услышал голос: «Аргивянин, любимый сын мой, победивший Мудростью человеческую гордость! Аргивянин, дивный сын мой! Огонь Великого Посвящённого я сама зажгу на твоём челе». И я, убаюкиваемый голосом Богини, заснул, а когда проснулся, увидел себя на прекрасном лугу божественной Эллады. Из леса вышла богиня Афина Паллада и сказала мне:

— Аргивянин! В лице моём приветствуют тебя боги Эллады.

И запело всё кругом: запел лес, запели воды, запели фавны: «Привет тебе, Фалес Аргивянин, привет, привет...» Так встретила меня моя родина. И куда бы я ни шёл, все знали меня, все приветствовали меня. Цветы ласково кивали своими головками, птицы доверчиво садились на мои плечи, и как-то дивно-ласковы были люди. Но я спешил к своему Учителю. Он ласково встретил меня, приняв в свои объятия, и только в глазах его я заметил грусть.

— Аргивянин, — сказал он мне, — из двенадцати вернулся ты один.

Мы пошли к Царю и Отцу планеты, и через несколько дней пути через пески пустыни мы очутились у Оазиса Царя и Отца. Царь и Отец принял меня и освятил знак, зажжённый на челе моём рукой священной.

— Аргивянин, — сказал он, — ты являешь собою единственный пример. Змей гордости побеждается только сердцем⁷⁸, а ты победил его разумом: победил первый. Но это послужит тебе к тому, что ты не останешься в недрах человечества, ибо пошёл путём, не свойственным ему⁷⁹.

Все эти великие слова сбылись в душе моей, Фалеса Аргивянина. Я искал и не находил возможности вступить на какую бы то ни было арену деятельности человечества. У меня всегда была какая-то холодность по отношению к человечеству. Поэтому только в тайных Святилищах вы встретите имя Фалеса Аргивянина, записанное в анналах яркими буквами. И на всей планете Земля есть только три-четыре места, с которыми я поддерживаю общение.

⁷⁷ ...я один, оставленный с Мудростью моей, понял, что только Ты можешь спасти меня... — Отрывок иллюстрирует одно из фундаментальных положений эзотеризма об ограниченности личной силы и мудрости даже у высокого Посвященного. На краю возможностей спасает лишь возложение на волю и милость Высочайшего Неизреченного. Любование же собственным величием ведет к катастрофическим последствиям.

⁷⁸ Змей гордости побеждается только сердцем... — Именно сердце, как середина, средоточие человеческого существа, соединяет его с Высшим.

⁷⁹ ...ты не останешься в недрах человечества, ибо пошёл путём несвойственным ему. — Здесь Гераклит уже предрекает уход Фалеса с пути человеческой эволюции.

Это те знакомства, которые были завязаны мною во времена Христа-Спасителя. Только их я поддерживаю: остальное мне чуждо.

В разуме моего друга Эмпедокла я читаю вопрос: кем же был Царь и Отец неведомой планеты? — А его совсем не было. Это был пластический сон магов. Великое испытание, наложенное Тремя. И знаешь, сколько времени длился сон? Не более трёх минут, ибо подобные сны совершаются в том пространстве, где нет времени. Они совершаются в пространстве не физическом, а психическом⁸⁰.

Фалес Аргивянин

VI . У Подножия Креста

*Фалес Аргивянин — Эмпедоклу,
сыну Милеса Афинянина, —
о Любви Бесконечной Бога распятого — радоваться!*

Бесконечна и вечна дорога моя, Фалеса Аргивянина, меж путей звёздных, вселенных и космосов; не коснётся меня сон Пралайи; цепь Манвантар⁸¹ туманами клубится предо мною; но нет такой бездны Хаоса, нет такой Вечности, где я мог бы забыть хоть единый миг из проведённых мною у подножия креста на Голгофе. Я попытаюсь передать тебе, Эмпедокл, человеческой несовершенной речью повесть, исполненную печали, человеческой и несовершенной.

Когда я, Фалес Аргивянин, рассказывал тебе, Эмпедоклу, историю Агасфера, я довёл рассказ до того места, когда осуждённые на распятие, окруженные зловонным человеческим стадом, подошли к Голгофе. На вершине холма несколько человек уже рыли ямы для водружения крестов. Около стояла небольшая группа саддукеев и фанатичных священников, очевидно, распоряжавшихся всем. По их указанию, Симон-кузнец тяжело опустил крест Галилеянина у средней ямы. Он отёр пот, градом катившийся по его по лицу, и сказал:

— Клянусь Озирисом! Я никогда в жизни не носил такой тяжести... Но не будь я Симон-кузнец, если бы не согласился нести этот крест до конца жизни, лишь бы избавить от страданий этого кроткого человека!!

— Будь благословен ты, Симон, — раздался тихий голос Галилеянина. — Кто хоть единый миг нёс Крест мой, познает Вечное Блаженство в садах Отца...

— Я не понимаю, что ты говоришь, — простодушно ответил Симон, — но чувствую, что не было и не будет лучшей минуты в жизни моей. А что я сделал? Кто ты, кроткий человек, что слова твои, будто холодная вода в пустыне для иссохших уст?

— Довольно разговоров! — визгливо орал, расталкивая всех, какой-то низенький злобный священник с всклокоченной бородой и бегающими свинными глазами. — Раздевайте их и приступайте к распятию!

Последние слова были обращены к римским солдатам, полукружием стоявшим за мрачным центурионом.

⁸⁰ ...подобные сны совершаются в том пространстве, где нет времени. Они совершаются в пространстве не физическом, а психическом. — В литературе не редки описания испытаний учеников тайной мудрости через субъективно долгие «сны», переживаемые за очень короткое время в объективной реальности. Так, Кришна, чтобы дать понять одному из своих учеников сущность майи (иллюзии бытия), на мгновение вводит его в забытье, в котором тот день за днем проживает целую жизнь со всеми радостями и горестями. Психиатрии известно много «физического» переживания в коротких снах и видениях довольно длительных (в восприятии самого человека) периодов «жизни» в совершенно иных условиях или мирах.

⁸¹ Манвантары и Пралайи — принятые теософской традицией (начиная с Е.П.Блаватской) индуистские термины для обозначения чередующихся периодов активности (проявления) и пассивности (аннигиляции) материальной вселенной в процессе общего развития сущего.

— Не раздавай приказаний тем, кем не командуешь, иудей, — резко сказал последний. — Мои солдаты исполняют свой долг по отношению этих двух, — указал он на разбойника и менялу, — ибо они осуждены проконсулом; а что до несчастного Назорея, он отдан вам, вы и делайте с ним, что хотите. Рука римского солдата не прикоснётся к нему. Но я сделаю то, что должен сделать...

И с этими словами центурион обернулся и сделал знак стоявшему сзади солдату. Тот подал ему деревянную окрашенную ярко-красной краской табличку с написанными на ней по-еврейски, по-гречески и по-римски словами:

«Иисус Назорей, Царь Иудейский».

Центурион прибил её одним ударом молотка к возглавию креста Галилеянина. Из уст сомкнувшихся подле саддукеев и священников вырвался крик злобного негодования.

— Сними это, солдат, сними тотчас же! — кричали они, и маленький священник попытался было сорвать табличку, но был отброшен в сторону могучей рукой центуриона.

— По приказанию наместника кесаря, Понтия Пилата! — властно возгласил он и поднял руку вверх. — Если вам не нравится надпись, идите к консулу и требуйте отмены, но пока, клянусь Юпитером⁸², не советую никому мешать римскому солдату исполнять отданное ему повеление! Приступайте к делу, — коротко бросил он приказание своим солдатам.

Те молча подошли к разбойнику и меняле. Первый сам сбросил с себя одежду и лёг на крест, не отрывая ни на секунду глаз от кроткого, измождённого, но сиявшего каким-то внутренним светом лица Галилеянина, стоявшего, сложив руки, у своего креста.

Отвратительная сцена началась с менялой, который кричал, визжал и кусал руки раздевавшим его солдатам.

Маленький священник, уже оправившийся от удара центуриона, о чём-то быстро пошептался с группой саддукеев и наконец подбежал к нему и стал что-то торопливо говорить, размахивая руками и указывая то на лежавшего уже на кресте разбойника, то на визжавшего менялу. Выражение неизъяснимого отвращения и презрения пробежало по мужественному лицу солдата.

— Клянусь Юпитером, — сквозь зубы пробормотал он, — сколько низости кроется в душе твоей, священник. Какому Богу ты служишь? Кровь, по-твоему, тебе запрещено проливать, а лгать, обманывать и предавать можно? Но ты прав: два этих негодяя — тоже иудеи, и относительно их я не имею приказаний, а ты назначен распорядителем казни. Делай что хочешь, я мешать не буду.

Священник бросился к солдатам и остановил их. Изумленный разбойник поднялся с креста и недоумеваая смотрел на священника и подошедших к нему саддукеев. Тут же рядом поставили и дрожавшего полуголого менялу, как-то по-собачьи трусливо глядевшего вокруг.

— Слушайте, вы! — визгливо кривлялся перед ними священник. — Мы сейчас будем ходатайствовать перед консулом о прощении вас, но с условием, что вы совершите казнь над этим богохульником, — указал он на Галилеянина. — Нам нельзя проливать кровь, и у нас нет своих палачей, а римляне не желают совершать над ним казни, ибо не они его судили. Ну? Хотите вы?

Меняла сразу как-то подпрыгнул и кинулся в ноги священнику.

— Возьмите, возьмите меня! — вопил он. — Я всегда буду верно служить вам!

Священник одобрительно кивнул головой, лукаво ухмыльнувшись.

— Ну а ты что скажешь? — спросил священник у разбойника.

— Ты хочешь, чтобы я пригвоздил его, — кивнул он головой на Галилеянина, — ко кресту?

— Ну да, — нетерпеливо подтвердил священник.

Гневно сверкнули глаза разбойника. Он глубоко вздохнул и ожесточенно плюнул

⁸² Юпитер — в римской мифологии бог неба, дневного света и грозы, царь богов, отождествляемый с греческим Зевсом.

прямо в глаза священнику, затем повернулся, и, раздвинув толпу, подошёл к своему кресту и снова молча лёг на него.

Сзади послышалось одобрительное рычание центуриона:

— Клянусь Юпитером! Из него вышел бы бравый солдат.

Священник очнулся от неожиданного оскорбления, и пена бешенства и ярости оросила его губы.

— Прибивайте его, прибивайте! — визжал он и, подбежав к лежавшему на кресте разбойнику, ударил его обутой в сандалию ногой в голову.

Но тут солдаты, по знаку центуриона, оттолкнули его и молча взялись за своё страшное дело. Не прошло и трёх минут, как огромный крест с висевшим на нём гигантским окровавленным телом разбойника как-то печально поднялся над толпой и тяжело ушёл в землю. Ни одного стога не вырвалось из крепко сжатых уст казнимого: на перекошенном от страдания лице ярко горели одни только глаза, неотступно глядевшие на Галилеянина.

А Он поднял руку и, как бы благословляя разбойника, что-то тихо прошептал.

И мои глаза, глаза Посвящённого высшей степени, ясно увидели, как чьи-то нежные, едва заметные даже для меня, крылья осенили голову вознесённого на крест разбойника и любовно затрепетали над ним...

А отвратительный меняла уже торопливо хлопотал около неподвижно стоявшего Галилеянина, срывая с него одежду.

Свою адскую работу он пересыпал гнуснейшими ругательствами и насмешками, искоса поглядывая на окружающих, как бы стараясь своим поведением заслужить одобрение толпы.

Но лица саддукеев и священников пылали только лицемерием и злобой, а лица солдат были мрачны и угрюмы. Толпа сгрудилась около него, сдерживаемая полукружием солдат.

— Аргивянин! — сказал мне стоявший подле меня Арраим. — Близится миг Великой Жертвы. Чувствуешь ли ты, как затаилась от ужаса природа?⁸³ Пусть замолкнет злоба, хотя бы во дни великих страданий, когда была испита Чаша за весь Мир! Можете понять, что едина середина всего Сущего. Не может быть двух средоточий вращения, и безумны те, кто не принимает величия Беспредельности: такого мерою измеряется Жертва Несказуемая. Когда в природе земной поспешала Жертва принятия всех проявлений всего Мира, нет слов на языках человеческих описать причины этого священного геройства. Можно собрать все слова превысшие, но лишь сердце в трепете устремления поймет славную красоту».]

И верно, как будто жизнь кипела только в толпе на Голгофе; всё прочее вокруг замерло в каком-то оцепенении: не было ни дыхания ветерка, ни полёта птиц, ни треска насекомых; солнце стало красным, но сила его лучей как будто стала жарче, знойнее, удушливее; от горизонта надвигалась какая-то густая, жуткая мгла...

— Смотри, Аргивянин! — послышался вновь голос Арраима.

И вот на потемневшем фоне синевато-чёрного неба я, Фалес Аргивянин, увидел вдруг чьи-то скорбные, полные такой невыразимой, нечеловеческой муки глаза, что дрогнула моя застывшая в Холоде Великого Познания душа от несказанной тайной Мистерии⁸⁴ Божественной Печали.

И я, Фалес Аргивянин, чей дух был подобен спокойствию базальтовых скал в глубине океана, почувствовал, как жгучие слезы очей моих растопили лёд сердца моего...

⁸³ Близится миг Великой Жертвы. Чувствуешь ли ты, как затаилась от ужаса природа? — Многие эзотерические традиции по-своему разделяют ортодоксально-христианский взгляд на крестную смерть Иисуса Христа как на космическое Таинство Великой Жертвы Спасителя, преобразившее саму природу. Так, Агни-Йога («Мир Огненный», 1, 584) утверждает: «Прекрасно, что вы почитаете дни Великой Жертвы. Пусть каждое сердце человеческое почерпает силы для подвига из Чаши Спасителя.[...]

⁸⁴ Мистерия (греч., букв. таинство). — 1) Таинство, лежащее в основе всего бытия и миропоявления в целом и во всех его аспектах. 2) Мистериями назывались сакральные храмовые действия, разыгрывавшие мини-подобия мифологических божественных таинств с целью приобщения к ним верующих (малые мистерии) и посвящения учеников-мистов (великие мистерии).

То были глаза Бога, вознесённого людьми на крест.

И противным, воющим диссонансом ворвался сюда визг менялы, обманутого священником и ныне с ожесточением терзаемого римскими солдатами...

Ещё момент — и три креста осенили вершину Голгофы...

— Написано ибо: «и к злодеям причтен» — услышал я произнесённые рядом слова и, обернувшись, увидел молодого Иоанна, который полными слез глазами глядел на своего Учителя и Бога.

Залитая дивным светом любви, не выдержала моя душа, и порывисто взял я его за руку. Он вздрогнул и посмотрел на меня.

— Мудрый эллин! — сказал он. — Вот где встретились мы с тобою... Ты предсказал это, Мудрый. Я знаю, ты любишь моего Учителя. Не можешь ли ты попросить римлянина, чтобы он допустил ко кресту Мать Господа моего?

Но только я собрался исполнить просьбу Иоанна, как увидел центуриона, подходившего к нам с Арраимом.

— Этот знатный эфиопянин, — сказал он, указывая на последнего, — прибыл от Понтия Пилата с приказанием для меня выполнить желание матери распятого «Царя Иудейского». Он сказал мне, что она здесь и с тобою, ученик Распятого. Где она и чего она желает? Клянусь Юпитером! Я выполню всё, что могу и даже больше, ибо никогда душа моя не болела так, как теперь, при виде этой гнусной казни невинного... Погляди, — и он гневно указал на группу саддукеев и священников, омерзительно кривлявшихся в какой-то сатанинской радости у подножия креста, — погляди! Я многое видел на своём веку, но, пусть разразит меня гром, никогда не видел более густой крови, чем пролившаяся сегодня, и более гнусных людей, чем твои соотчичи, ученик Распятого!

И он, отвернувшись, с отвращением плюнул.

— Мы хотим просить тебя, римлянин, чтобы ты допустил ко кресту Мать моего Учителя, — мягко сказал Иоанн.

— И чтобы она слышала все издевательства и насмешки, которые сыплют на голову её страдающего сына эти дети Тартара?⁸⁵ — спросил римлянин.

— Впрочем, я помогу этому делу. Проси сюда женщину и иди с нею сам, — и центурион подошёл ко кресту.

— Довольно! — зычно крикнул он.

— Ваше дело сделано. Ваш «Царь» висит на кресте. Уйдите отсюда прочь. Дайте место священным слезам матери!

Гневно косясь на центуриона и недовольно ворча, отхлынули от креста саддукеи и священники.

Тихим шагом, опираясь на руку Иоанна, подошла ко кресту закутанная в покрывало Женщина и с немым рыданием припала к окровавленным ногам Распятого.

С Божественной кротостью глянули вниз очи Бога, страдающего муками человеческими.

— Иоанн! — раздался тихий голос.

— Даю тебе свою мать: отдай её им... Мать! Сойди с высот твоих и иди к ним...

И вновь поднялись очи Спасителя и остановились на группе, которую составляли я, Фалес Аргивянин, Арраим и центурион.

Невольно глянул я на Арраима. Обратив очи свои на Спасителя, самый могучий Маг на Земле был весь порыв и устремление; я понял, что один лишь знак с креста — и всё вокруг было бы испепелено страшным Огнём Пространства...

И тихо-тихо прозвучало с креста:

— Отче! Прости им, не знают, что делают...

Низко склонилась под этим укором голова Арраима, великого Мага планеты.

⁸⁵ Тартар — в греческой мифологии пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида (мира мертвых). В Тартаре залегают корни всего мира, все концы и начала. Это нижнее небо. Великой бездны Тартара страшатся даже боги.

— Клянусь Юпитером! — изумлённо прошептал возле меня центурион. — Он прощает им! Да он воистину Божий Сын!

Я, Фалес Аргивянин, жадно следил за всем, ибо сердце моё было переполнено вместо Холода Великого Познания потоком Любви Божественной; и увидел я, как очи Бога обратились к разбойнику, в несказанных муках не отрывавшему взора от Господа. Не то стон, не то рычание было ответом на взгляд Бога.

— Где Царство твоё, распятый Царь? — мучительно вырвалось из растерзанной груди разбойника. — Где б ни был Ты, кроткий, возьми и меня с собой!

— Ныне же будешь со мною в Царстве моём, — послышался тихий ответ с креста.

И снова увидел я, как затрепетали невидимые крылья над головою первого избранника Божия — разбойника с большой дороги, и какая-то тень легла на лицо его; он глубоко вздохнул, и голова его опустилась на грудь.

— Клянусь Юпитером! — недоумённо прошептал стоявший подле меня центурион. — Что за дивные дела творятся сегодня? Да ведь он никак уже умер!

— Смотри, Аргивянин! — как-то особенно торжественно сказал мне Арраим, и рука его легла на плечо моё.

И вот мгла, которая давно уже стала собираться на горизонте, придвинулась ближе и стала мрачнее. И я, Фалес Аргивянин, увидел, как из неё выросли два гигантских чёрных крыла, похожих на крылья летучей мыши, как отверзлись два огромных кроваво-красных ока, как вырисовывалось чьё-то могучее, как дыхание Хаоса, гордое чело с перевёрнутым над ним треугольником — и вот, всё это неведомое, неимоверно тягостное «что-то» опустилось на Голгофу.

И во мгле грянул страшный удар грома, и могучим толчком потрясения ответила ему земля.

Раздался вой людской толпы, которая, околевая от ужаса, кинулась во тьме бежать куда попало, падая в рытвины и ямы, давя и опрокидывая друг друга.

А чёрная мгла склубилась в гигантское круглое тело, как тело Змея, и медленно вползла на Голгофу, о, чудо из чудес Космоса! Голова с кроваво-красными очами приникла к окровавленным ногам Распятого. И мои уши, уши Великого Посвящённого, услышали своеобразную гармонию Хаоса, словно поднимавшуюся отдалёнными раскатами грома из неведомых бездн Творения. То был голос самого Мрака, голос Великого Господина Материи Непроявленной в Духе⁸⁶. Он сказал:

— Светлый Брат! Ты взял к себе слугу моего, возьми же к себе и его Господина...

— Ей гряди, Страдающий! — еле слышно прозвучал ответ с креста.

— И семя жены стёрло главу Змия! — послышался мне металлический шёпот Арраима. — Свершилось Великое Таинство Примирения⁸⁷. Гляди, Аргивянин!..

И тут перед моими глазами развернулась такая дивная картина, которую мне не увидеть никогда, хотя бы миллиарды Великих Циклов Творения⁸⁸ пронеслись предо мною.

Вспыхнул Великий Свет, и сноп его, широкий, как горизонт, восстал к Небу. И в снопе Света этого я увидел голову Распятого, такую божественно-прекрасную, озарённую таким несказанным выражением Любви Божественной, что даже хоры архангельские не могут

⁸⁶ ...Материи Непроявленной в Духе. — В оккультизме Хаос осмысливается в качестве изначальной, абсолютно недифференцированной, непроявленной материи, а миропоявление — как структурирование этой праматерии силой духовного начала, выполняющего роль строителя и оживителя форм.

⁸⁷ Свершилось Великое Таинство Примирения. — Некоторыми из эзотерических школ результат земного подвига Христа и его великой жертвы рассматривается как снятие противоречия между землей и небом, феноменальным и идеальным, миром материи с его тотальной дифференциацией и миром духа с его божественным всеединством.

⁸⁸ Великий Цикл Творения — то же, что в индуизме День Браммы, образуемый одной Манвантарой и следующей за ней Пралайей.

передать того.

И вот рядом с головой Бога, ушедшего из плоти, вырисовалась другая голова, прекрасная гордой, но человеческой красотой: ещё не разгладились на ней следы страдания великого, ещё не ушли совсем знаки борьбы космической, но очи не были уже кроваво-красными, а сияли глубинами неба полуденного и горели любовью, неведомой людям, обращённой ко Христу-Победителю.

— Рождение нового Архангела! — прошептал Арраим.

И тут же, между двумя этими гигантскими фигурами, трепетал белый комочек света, радостно скользивший около груди Господа. То была освобождённая душа разбойника с большой Тирской дороги.

И точно струна гигантской арфы оборвалась в небесах, и тихий звук пронёсся над землёю:

— Свершилось!

И поползло с холма тело обезглавленного Змея, рассеиваясь в пространстве. Стало светлее.

Обуреваемый происшедшим, я подошёл ко кресту вместе с Арраимом и, посмотрев на Распятого, увидел глаза Его, ещё живые, но духа в них не было. То была одна человеческая плоть, страдающая, бесконечно добрая, бесконечно любящая, бесконечно просветлённая, но увы! — только человеческая. Дух отошёл от неё, оставив на последнее мучительное одиночество. И плоть простонала:

— Боже мой, зачем Ты оставил меня?⁸⁹

— Клянусь Юпитером! Я не могу более выдержать! — хрипло крикнул возле меня центурион и, вырвав из рук бледного как смерть солдата копье, с силой вонзил его в бок Распятого.

— Пусть я поступил против присяги, уменьшив его страдание, — сказал центурион, уставившись на меня полубезумным взглядом, — но того, чему я был сегодня свидетелем, не выдержал бы сам Август! Что это была за мгла, что за голоса, кем был этот казнённый, скажи мне, мудрый эфиопянин? — дрогнувшим голосом обратился он к Арраиму.

— Ты сам недавно сказал, солдат, что это был Сын Божий, — ответил ему Арраим.

Недоуменно разведя руки, грубый римлянин с выражением мучительного, неразрешимого вопроса глядел на покрытое уже тенью смерти лицо Галилеянина.

Я медленно обернулся и оглядел всё вокруг. Только два солдата, бледные и насмерть перепуганные, были на ногах, остальные ничком лежали на земле. Толпы уже не было; неподалеку валялся труп низенького священника с покрытым кровавой пеной лицом; у Креста Господня были всё та же прикипявшая к ногам Распятого женщина и Иоанн, весь ушедший в молитву, печальный, но просветлённый; могучая фигура римского солдата перед самым крестом, да два Сына Мудрости — я и Арраим — вот какова была обстановка последних минут Бога на Земле.

В теле жалкого менялы теплилась ещё жизнь. Очнувшийся уже центурион отдал приказание солдату перебить ему голени, а сам задумчиво отошел в сторону.

В это время из близлежащих кустов стали показываться бледные лица женщин и учеников Галилеянина. Я узнал Марию из Магдалы и Петра. Заметив меня, Мария подбежала ко мне и, заливаясь слезами, спросила:

— Мудрый эллин! Неужели Он мог умереть?

— Он воскреснет, Мария, — ответил я и, видя её страдания, обдал её теплом своей Мудрости.

Она вздрогнула и выпрямилась.

⁸⁹ Дух отошёл ... плоть простонала: «Боже мой, зачем Ты оставил меня?» — Ортодоксальное богословие обычно уклоняется от буквального осмысления этой знаменитой фразы Иисуса Христа. Эзотерические школы не только весьма различно толкуют ее смысл, но и переводят само ее содержание. Здесь дается трактовка, близкая взглядам Е.П.Блаватской, считавшей истинным Христом высший божественный Дух, лишь осеняющий своим присутствием душу и тело Аватара.

— Я знала это! Благодарю тебя, Мудрый! — прошептала она и, подбежав ко кресту, припала к ногам Распятого с другой стороны.

Центурион рассеянно глядел на эту сцену.

— Клянись Юпитером! Я не знаю, что мне делать, — бормотал он.

— Не смущайся, храбрый солдат, — сказал ему Арраим, взяв его за руку. — Мне известны все намерения почтенного Понтия Пилата — он мой друг, — и поверь мне, что твоя милость по отношению к женщинам и ученикам Распятого не встретит его осуждения. Я знаю, он отдаёт тело почитателям Его...

— Спасибо тебе, эфиопянин, — ответил ему центурион, отирая пот, градом катившийся с его лица. — Но не скажешь ли ты мне, у кого я могу узнать подробно, кем был Распятый и что значат слова: «Сын Божий», невольно сорвавшиеся с моего языка? И что это за чудеса, свидетелем которых я был сегодня?

Задумчиво посмотрел на него Арраим.

— Не теряй из виду вот этого ученика, — ответил он, указывая на Иоанна. Он всё расскажет тебе, и ты узнаешь, кем был Распятый.

— И будешь первым распятым на кресте христианином, — шёпотом добавил он, обращаясь ко мне. — Идём отсюда, Аргивянин, — сказал он громко, — да не будет лишних очей при изъявлении скорби Матери...

Мы медленно стали спускаться с холма. То там то сям лежали ещё не очнувшиеся от смертельного ужаса люди; несколько домов рухнули от подземного толчка. Небо немного очистилось, но ночь уже простирала покров свой над изредка ещё вздрагивающей землёй. Вдали показалась кучка спешивших людей; между них я узнал по длинной белой бороде мудрого Иосифа из Аримафеи⁹⁰.

Предпоследний аккорд Великой Космической Мистерии кончался. Начинался последний — Величайший.

Мир да будет с тобою, Эмпедокл!

Фалес Аргивянин

VII . Балкис — Царица Савская

*Фалес Аргивянин — Эмпедоклу,
сыну Милеса Афинянина, —
о Премудрости богини
Афины Паллады — радоваться!*

Раздвинем туманы минувшего, друг Эмпедокл, и пойдём со мною в область того, что люди будущих столетий назовут сказкой, а мы, неумирающие сознания Сынов Мудрости, пребывающей в анналах⁹¹ Вселенной — Былью.

Была ночь, и Селена алмазной лентой отражалась в таинственных водах Нила. Я, Фалес Аргивянин, стоял на башне храма Изида и заносил на свиток папируса свои вычисления о восхождении новой звезды Гора⁹² в созвездии Пса.

⁹⁰ Иосиф из Аримафеи — член синедриона, тайный ученик Христа. Испросил у Пилата разрешение на снятие Иисуса с креста и погребение. По преданию, собрал кровь из раны распятого Христа в чашу, послужившую для первого таинства причастия на последней, тайной вечере Иисуса с учениками. Именно она считается Чашей Святого Грааля — вожденной святыней всей европейской оккультной традиции.

⁹¹ ...в анналах... — Речь идет о так называемых Хрониках Акаши — «записях» в тонкоматериальной среде (Акаше) образов всего происшедшего в феноменальном мире.

⁹² Гор (егип., букв. высота, небо) — в египетской мифологии бог, сын Осириса и Исиды. Изображается в виде сокола, человека с головой сокола и солнечного диска с распростертыми крыльями. Бог света,

И вот — ласковая рука легла мне на плечо, и зазвучал тихий голос Учителя — Великого Гераклита.

— Аргивянин! — сказал мне он. — Знаешь ли ты историю блистательной Царицы Савской — прекрасной Балкис?⁹³

— Учитель! Ты знаешь, тысячи лет я погружён в изучение великих рукописей Бытия, — и я указал на простирившееся над нами безбрежное звёздное небо. — Когда же мне было заниматься историей цариц Земли, хотя бы они были столь же прекрасны, как царица неба звёздного — Звезда Утренняя?!

Гераклит тихо покачал головою.

— Аргивянин! — сказал он. — В ответе твоём звучит ирония, без которой не может обойтись ум сына благородной Эллады, но, поверь мне, своему Учителю, что не для праздной болтовни задал тебе я этот вопрос. Сядь, сын мой, и выслушай меня.

И я сел рядом с Учителем моим, и полилась его тихая, гармоничная речь, такая тихая и такая гармоничная, что порой она совершенно сливалась со звучанием лучей бледной Селены, обливавшей светом своим и меня, и Учителя, и башню храма Изиды, и воды таинственного Нила, и загадочную глубь простирившейся за рекой немой пустыни.

И вот что рассказал мне Учитель: «Когда Огонь Земли поглотил Чёрную Землю⁹⁴ перед рождением блаженной Атлантиды, и массивы первозданной Аемурии стали дном океана, — катастрофа не коснулась храма Богини Жизни, долго бывшего местопребыванием Царя Чёрных — таинственного Арраима. Но задолго до катастрофы неведомо куда исчез великий Царь, оставив свою землю, свой народ, свой храм и свою единственную дочь, ставшую первой жрицей Богини Жизни. Окружённая семью мудрыми жрецами, она, эта дочь, прекрасная Балкис, мужественно встретила ужасную катастрофу и мужественно перенесла её. И когда наконец спустя много месяцев рассеялись облака пепла и дыма, застилавшие небосклон, и обитатели храма Богини Жизни увидели себя на небольшом острове, окружённом мутными, пенистыми волнами нового океана, прекрасная Балкис совершила первое богослужение пред алтарём Богини Жизни и громко дала обет посвятить жизнь отысканию своего отца — таинственного Арраима, ибо она знала, что на нём почиет дыхание Богини Жизни Вечной и что умереть он — не мог.

И выступил тут старейший из жрецов — древний-древний старец Каинан⁹⁵, третье око⁹⁶ которого видело еще великую погибшую расу Титанов Севера⁹⁷, и сказал:

— Балкис! Как даёшь ты обет, не зная, хочет ли великий повелитель наш, Сын Разума Арраим, чтобы ты искала его? Ибо вот — когда на планете жили ещё Титаны Севера, противоборствующий силам мрака; мститель за смерть и воскреситель Осириса; покровитель фараонов.

⁹³ Балкис, Царица Савская — царица так называемой Счастливой Аравии (области к югу от Палестины). По 111 книге Царств (X, 1-14), прибыла в Иерусалим привлеченная славой о мудрости царя Соломона, и, испытав ее вопросами и загадками, признала его подлинное величие. Выступает одним из действующих лиц в масонской легенде о первом Великом Мастере, строителе Хираме, возводившем Храм Соломона.

⁹⁴ ...Огонь Земли поглотил Чёрную Землю... — Речь идет о вулканической гибели Лемурии, материка Черной Расы. По теории, принятой в теософии Е.П.Блаватской, в геологической истории планеты крупные материи (носители коренных Рас) периодически выступают и вновь опускаются на дно мирового океана, причем в их исчезновении с лица Земли главную роль посменно играет то вода (потоп), то огонь (вулканический катаклизм).

⁹⁵ Каинан — один из допотопных библейских патриархов.

⁹⁶ Третье око (третий глаз) — орган «тонкого» восприятия, позволяющий ясновидцу прозревать невидимое обычным глазом.

⁹⁷ Раса Титанов Севера. — Эзотерическое предание говорит о том, что первые Расы отличались гигантским ростом.

таинственный Арраим был уже на Земле, которая вовсе не его колыбель; ибо другое небо и другая земля в иных глубинах Космоса были свидетелями его рождения. Как бы прекрасна и мудра ты ни была, Балкис, ты всё же только былинка на его загадочной, непонятной дороге... Минует срок жизни твоей — и земля примет твоё тело согбенным от старости, а он, великий и таинственный, пойдёт далее, и каждый шаг его будет равен тысячам твоих жизней...

Нахмутив брови, нетерпеливо слушала прекрасная Балкис мудрые слова трёхглазого жреца.

— Каинан! — воскликнула она. — Далекое видит твой третий глаз, но не ему разглядеть глубины сердца моего, сердца дочери Арраима, Премудрой Балкис. Приведите сюда Арру, — коротко бросила она приказание жрецам и обратила лицо своё к статуе Богини.

Неодобрительно покачал головою Каинан.

— Балкис, Балкис! — сказал он. — Подумай, какие силы хочешь ты затронуть? Какие законы хочешь обратить в свою пользу? Ведь способностями Арры пользовались до сих пор только для сношения с Владыками Жизни и самой Богиней...

— Уйди, старик, — гневно сказала Балкис. — Или я уже не дочь Арраима и не верховная жрица Богини?

Она выпрямилась — и точно! — столько божественно-прекрасного было в её дивной фигуре, дышавшей мощью несказанной, что старый жрец потупился и, бормоча что-то, тихо отошёл назад.

А жрецы тем временем ввели в храм невысокую, чудную девушку. Была она другой, неведомой расы, ибо кожа её была бела как снег в противоположность тёмно-коричневой коже лемурийцев, а глаза были не сине-изумрудные, как у прекрасной Балкис, а чёрные; волосы не ложились волнующимися кудрями по плечам, а ниспадали каскадом до самого пола. И всё существо её, казалось, было проникнуто чем-то неземным, не здешним: будто дыхание иного мира вошло вместе с нею под своды храма.

Старые жрецы знали, что напрасно было бы искать отца и мать Арры среди лемурийцев: известно было, что смелый мореплаватель Фаласаил привёз несколько семей этих странных людей из своего путешествия к таинственным ледяным пустыням далёкого Юга; Премудрый Арраим тотчас велел поместить женщин при храмах и научил жрецов пользоваться их странной, загадочной способностью. Мужчины неведомого племени скоро вымерли все, и только женщины продолжали жить при храмах жизнью тепличных цветов.

Вошедшая девушка пугливо смотрела вокруг.

— Иди сюда, Арра, — властно сказала ей Балкис. — Иди и сядь на священное место.

Девушка послушно подошла к жертвеннику и села у его подножия в некое подобие кресла из базальта, инкрустированное разноцветными драгоценными камнями. Балкис надела ей на голову обруч из золота, с укреплённым спереди полированным диском из огромного алмаза, и осторожно повернула голову Арры так, чтобы центр диска улавливал отражение Солнца от гигантского золотого вогнутого диска, висевшего на столбе посреди храма.

Столб был подвижен, и вращающий его механизм был устроен так, что лучи Солнца всегда собирались в центре диска. Лишь только фокусы дисков совпали, — закрылись глаза Арры, и она погрузилась в таинственный сон Второй Жизни, сон, принципы которого тебе известны, Аргивянин, как Посвящённому.

И вот — заговорила спящая:

— Что ты хочешь от меня, Балкис?

— Отыщи отца моего, — властно сказала Балкис.

— Я вижу его, — почти немедленно последовал ответ.

— Спроси, как найти его! После недолгого молчания спящая ответила:

— Он говорит, что тебе не следует искать его, ибо ноги его на стезе Бога, по которой ты не можешь идти, Балкис. Не для смертного эта стезя.

Гневно нахмурила свои брови Балкис.

— Скажи ему, — вскричала она, — что он не вправе отказываться от своей дочери! Ибо вот — на какой стезе были ноги его, когда он зачинал меня? Я хочу быть подле него.

— Он не отказывается от тебя, Балкис, — ответила Арра, — ибо он всегда с тобою. Но и зачиная тебя, он творил Закон Бога. Но с ним — ты, смертная, быть не можешь...

Мрачно смотрела на лицо Арры Балкис.

— Хорошо же, — с трудом сказала она. — Отврати от отца взоры свои, Арра. Слушай меня: можешь ли ты дивным духом твоим найти дорогу к Вечному Огню Жизни Земли?⁹⁸

Дрогнули жрецы... С жестом отчаяния закрыл голову свою древний

Каинам. По лицу спящей разлилась мертвенная бледность. Чуть слышно прошептали её уста:

— Могу... знаю... вижу... Но если я скажу тебе, — угаснет моя искра жизни...

Нетерпеливо пожала плечами прекрасная Балкис:

— Что нужды? Ты должна сказать мне... Я потом помогу тебе воплотиться вновь и быть около меня...

— Это не в твоей власти, Балкис, — ответила спящая. — Я никогда не буду около тебя... Я боюсь всех, не исполняющих Воли Единого...

— Довольно! — топнула ногою Балкис. — Я хочу знать и буду знать, хотя бы из-за этого рассыпалась вся Земля. Говори — я слушаю!

Толпой кинулись жрецы из храма вслед за Каианом, не желая слышать страшного ответа. Не будем и мы слушать его, Аргивянин; достаточно тебе знать, что прекрасная Балкис получила то, чего требовала ценою жизни бедной Арры.

Она узнала дорогу к Вечному Огню Жизни Земли, нашла этот Огонь и получила в удел жизнь планетную. Ты поражён, Аргивянин, безмерной дерзостью Балкис? Кто знает, Аргивянин, не получила ли она вместе с планетной жизнью и столь же долгое страдание?

Ныне царствует она в Саве, севернее земли Ор, и царствует мудро, ибо было ей время сделаться мудрой. Но никогда не устаёт она искать отца своего...

— Но ведь мы знаем Четырежды Величайшего, Учитель, — сказал я, Фалес Аргивянин.

— Ему угодно было открыться нам, — ответил мне Гераклит, — но никогда не откроется он непослушной дочери своей. Ныне, каждое тысячелетие, даёт она великое Празднество Мудрости и собирает представителей всех Посвящений⁹⁹ — великих мудрецов мира в тщетной надежде узнать от них тайну отца своего. И тут есть лукавство, Аргивянин, ибо многие из Мудрых меняют преданность знаку своего Посвящения на преданность самой прекрасной женщине планеты и остаются навеки прикованными к её дивному престолу.

— Но ведь это падение, Учитель? — спросил я.

— Да, — ответил мне печально Гераклит. — Но прекрасная Балкис немедленно одаряет павшего Огнём Жизни Земли и тем предотвращает его смерть. Но — всё равно: могучий Арраим тотчас же тушит память о себе в тех из них, кто знал его... Фиванское Святилище, — добавил, помолчав, Гераклит, — потеряло у её трона трёх сынов своих...

— Но зачем же тогда Святилище посылает туда, на этот праздник, своих Посвящённых? — спросил я, Фалес Аргивянин.

— А какое Святилище имеет право отказываться от испытания? — ответил мне вопросом Мудрый. — Ныне приближается время праздника, и прекрасная Балкис уже прислала своё приглашение...

— И ты решил послать меня, Учитель! — добавил спокойно я, Фалес Аргивянин.

— Да, сын мой, — сказал мне Мудрый. — Только твоя душа, сын Эллады, подобна

⁹⁸ Огонь Жизни Земли. — Окультиная философия не знает понятия мертвой материи и видит жизнь (различных видов и степеней проявления) во всем сущем. Любые формы существуют до тех пор, пока оживотворяются «Огнем Жизни», жизненной силой бытия. В данном повествовании Огонь Жизни Земли рассматривается в качестве источника и резервуара жизненных сил физического бытия планеты.

⁹⁹ ...собирает представителей веек Посвящений... — Речь идет о представителях различных посвячительных школ и традиций человечества.

спокойствию базальтовых скал в глубинах океана, и покойно за тебя Святилище наше...

— Да будет! — ответил я, ибо вот — тогда я умел повиноваться.

По священным водам Нила добрался я в лодке до гор Эфиопии, миновав благополучно становище диких сынов пустыни и Страну Мёртвых. Отпустив с миром сопровождавших меня финикийских матросов, я один вступил в ущелье гор, заставив указывать мне путь мудрую Змею¹⁰⁰, быстро ползшую впереди меня.

Не в обычае Шиванского Святилища было путешествовать пышно, ибо вот — мы знали, что блеск и роскошь Земли — прах под пятою Господа, а наша Мудрость — безумие перед очами Его. Одиноким и нищим ходили мудрые сыны Маяка Вечности по лицу планеты, но не было никого богаче нас.

Через два дня пути я встретил пышный караван, состоявший из трёх десятков верблюдов и десятка слонов, сопровождаемый целым отрядом роскошно одетых смуглых наездников в золотых шлемах: три слона были белого цвета и несли на мощных спинах своих целые башни из золота, серебра, платины и драгоценных камней, задрапированные в тонкие шёлковые ткани страны дравидов¹⁰¹. То следовали на Празднество Мудрости Сыны Треугольника.

Я скромно посторонился и усилием воли временно загасил знак Маяка Вечности, сиявший у меня на челе, дабы не быть узанным Сынами Треугольника.

А за ним следовал другой караван — из белых верблюдов, но глава каравана — мудрый Посвящённый Лунного Святилища — седой, крепкий халдей — помещался в носилках из слоновой кости, украшенных рядами рубинов и бахромой из тонкого золотого кружева. Носилки несли двенадцать чёрных невольников из земли Далёкого Мыса, которую некогда посетил и я, Фалес Аргивянин, когда Святилище Фив послало меня сопровождать храброго финикийца Ганнона в его далёкое плавание.

Сначала взгляд мудрого халдея скользнул равнодушно по мне, но, остановившись на главе Змеи, улёгшейся у моих ног, вспыхнул огнём разума, и насмешливо-добродушная улыбка подернула его губы. Он сделал знак, и невольники остановились.

— Мудрый чужестранец! — ласково обратился халдей ко мне. — Я извиняюсь за моих братьев по Мудрости из Символа Треугольника, не узнавших тебя. Но велика их Мудрость, и необъемлемость её не помещается на грешной Земле, и потому взоры их всегда устремлены ввысь — в небо. Взгляд же бедного старого халдея всегда скользит по земле, стараясь подобрать крупинки рассыпанной ими Мудрости, — и вот я увидел голову твоего не совсем обычного спутника, мудрый эллин из Великого Святилища Фив. Не будешь ли ты добр и не почтишь ли мою старость согласиём разделить моё одиночество в дальнейшем путешествии?

Я видел, что нельзя мне скрыться от лукавой мудрости халдея, и не было причины отказаться от приглашения. Я сел в носилки, ласково отпустив своего провожатого.

— Но как ты узнал, почтенный халдей, — спросил я, — что я — эллин?

— Не только эллин, — хитро улыбнулся халдей, — но и потомок царственных атлантов. Разве ты никогда не гляделся в полированную медь? Твой рост, твои плечи и божественное телосложение сразу выдают в тебе сына благородной Эллады, а строгое спокойствие правильного лица и красота его линий переносят меня в давно прошедшие времена, когда я, старый халдей, имел удовольствие видеть коллегию жрецов храма Вечно Юной Девы-Матери в Посейдонии¹⁰². Разве не из вашей среды вышел Божественный

¹⁰⁰ ...заставив указывать мне путь мудрую Змею... — В связи с тем, что здесь и далее герой пользуется услугами Царицы змей, интересно заметить, что его богиня Афина считалась покровительницей змей, змея — один из её атрибутов, а в афинском храме богини, по свидетельству Геродота, обитала огромная змея — страж Акрополя.

¹⁰¹ Страна Дравидов. — Речь идет о южной Индии с автохтонным населением дравидами (телугу, тамилы, каннара и др.), относимым оккультной традицией к лемурийской Расе. Дравидам приписываются особые познания в прикладной магии.

¹⁰² Посейдония. — По эзотерическому преданию (теософия Е.П.Блаватской), около 80 000 лет назад

Зороастр¹⁰³, которого я приветствовал однажды, когда ему угодно было почтить своим присутствием мой родной город Ур Халдейский? А что я сразу узнал в тебе питомца Фиванского Святилища, — то это мне подсказал твой спутник, о благородный Фалес Аргивянин, ибо только Земля Кеми¹⁰⁴ сохранила сношения с Царством Змей. Но я вижу, что ты, Мудрый, хочешь спросить меня, откуда мне известно твоё имя? Но разве не ты совершил знаменитое путешествие с Ганноном Финикийцем, причём посетил племя кабиров¹⁰⁵ у Столбов Геркулеса?¹⁰⁶ А ведь это племя находится под нашим покровительством, Мудрый. Как же нам не знать тебя, не говоря уже о том, что на праздник Царицы Балкис Премудрый Гераклит мог послать только тебя, Аргивянин!

— Вы, халдеи, — ответил ему я, Фалес Аргивянин, — отказались от общения с Царством Змей, но сами восприняли их Мудрость...

— Так, так, Аргивянин, — грустно сказал халдей, поглаживая длинную бороду, — но зато мы со своей Мудростью и ползаем на чреве по лицу Матери-Земли...

Я, Фалес Аргивянин, напряг свою волю и сразу перенёсся в сферу символов и первоначальных звуков и, узнав всё, что было нужно, в тот же миг вернулся обратно.

— Я рад, — спокойно сказал я, — что Гермес Трижды Величайший в неустанной заботе о детях своих доставил мне случай поучительного разговора с мудрым равви Израэлем из Ура Халдейского...

Халдей внимательно посмотрел на меня и почтительно склонил голову.

— Что значит мудрость ползающего Змея по сравнению с мудростью Орла, парящего под облаками, от взора которого ничто не скроется, — задумчиво прибавил он.

После нескольких часов путешествия, проведённых мною в беседе с мудрым халдеем, мы достигли пояса садов, окружавших город Царицы. Тут я оставил халдея:

— Ибо, — сказал я ему, — не подобает Посвящённому Фив прибывать в гости к Царице на чужой колеснице.

Я, Шалее Аргивянин, не пошёл в город, а, обогнув его, ушёл в лес и провёл в нём ночь, посвятив часы тьмы разговору и вызываниям, мне потребным.

Наутро дивные, сказочные сады Царицы Балкис, обнесённые мраморными розовыми стенами и орошаемые сотнями жемчужных фонтанов, наполнились приглашёнными гостями.

Тут были смуглые красавцы дравиды с неподвижными — как бы незрячими от постоянного созерцания Мудрости — глазами; были медно-красные потомки тлаватлей из страны, возникшей из моря на западе от дивной Атлантиды; были чёрные потомки лемурийцев из недр Африки; были косоглазые, с большими женскими косами, атланты седьмой подрасы монголоидов¹⁰⁷, жившие в таинственной, обнесённой стеной стране на

произошла третья катастрофа Атлантиды, после которой от двух больших островов, Лаитии и Руты, уцелел лишь осколок последней — остров Посейдонис. Он же, в свою очередь, был разрушен мощным землетрясением 9564 года до н.э., вызвавшим библейский потоп.

¹⁰³ Зороастр (Заратуштра, X-VI вв. до н.э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии (маздеизм или зороастризм); составитель древнейшей части священного канона — «Авесты».

¹⁰⁴ Земля Кеми — древнее название Египта.

¹⁰⁵ Кабирь (отевр. гебер или гибборим, букв. могущественные люди). — 1) Таинственные огненные божества народов Средиземноморья (включая древних иудеев), покровители мистерий. Боги знаменитых мистерий острова Самофракии. 2) Отождествляются Е.П. Блаватской с библейскими исполинами: «...были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди» (Бытие, VI, 4).

¹⁰⁶ Столбы Геркулеса — греческое название Гибралтарского пролива.

¹⁰⁷ Атланты седьмой подрасы монголоидов. — В теософской традиции (школа Е.П.Блаватской), народы

берегах Великого Лемурийского моря¹⁰⁸; были белые маги из страны северных льдов; были и длиннородые, лукаво-мудрые халдеи.

Пышность и роскошь их караванов и облакавших их одежд не поддавалась никакому описанию, ибо вот — что есть на планете, чего не может отыскать или сделать Мудрость земной Магии?

Но богаче и пышнее всех был одет штат мудрецов Царицы Балкис, окружавших её сказочный трон вместе с несколькими львами, один из которых покорно подставил свою царственную голову под ноги Царицы.

Говорить ли тебе, Эмпедокл, о красоте Балкис? Едва ли героям Эллады снилась такая красота, и сама Елена Прекрасная показалась бы перед ней зауряднейшей женщиной. Дивная красота как бы подкреплялась изнутри блеском великой Мудрости, великая Гордость короновала её чело царственным ореолом, а могучая Воля сверкала искрами из синих, как небо полудня, очей.

Жадно расспрашивала Балкис прибывших к ней гостей, искусно наводя речь на интересующие её предметы; но пока, очевидно, ничего узнать не могла, ибо складка скрытой досады пролегла по её мраморному челу.

— Мудрые! — прозвенел её чарующий голос. — Как всегда, я хочу начать празднество служением Богу Солнца, но вот — нет ещё Посвящённого Шив, которому принадлежит первое место в этом служении. Может быть, он запоздал, или — в её голосе послышалась насмешка — Мудрый Гераклит боится потерять ещё одного сына, ибо вот — трое фиванских Посвящённых ныне составляют украшение моего трона...

— Мудрая Царица, да почитет на тебе благословение Адонаи, — послышался вкрадчивый голос равины Израэля, — фиванский Посвящённый придёт, ибо я встретил его вчера на пути в твой дивный город... Это — мудрый эллин, Фалес Аргивянин...

— Эллин? Тем лучше, — улыбнулась Царица. — Три первых гостя мои были египтяне... Я люблю благородных сынов Эллады.

И вот тихо раздвинулись ряды приглашённых, и под перистыми опахалами Царицы Балкис появился я, Фалес Аргивянин, носитель Маяка Вечности, потомок царственной династии Атлантиды.

На мне не было никаких украшений Земли, ибо со мной была моя Мудрость. Только белый шерстяной хитон облегал меня, подпоясанный телом Живого Пояса, ибо вот — сама Царица

Змей охватила мой стан своим могучим кольцом; голова её была против моей груди, и она гордо и грозно смотрела окрест своими кроваво-рубиновыми глазами. Простой деревянный посох из ивы был в руках моих.

— Премудрый, Великий Гераклит, слуга Вечного Символа Жизни, шлёт тебе привет, Царица, — спокойно сказал я. — А я, Фалес Аргивянин — о Премудрости Великой Богини Афины Паллады — желаю тебе радоваться, прекрасная Балкис...

Около меня сразу образовалось широкое пустое место, ибо вот — никогда ещё Царица Змей не являлась так среди хотя бы и посвящённых людей. Её маленькая, увенчанная короной из странного лунного камня голова легла на плечо моё.

Сама мудрая Царица Балкис побледнела, заглянув в очи Царственной Змеи.

— Привет тебе, мудрый посланец Фив, — дрогнувшим голосом сказала Балкис. — Клянусь великой памятью отца моего, — воскликнула она, — никогда ещё я, Царица Савская, Госпожа Огня Земли, не видела подобного прихода Мудрого!

Нет слов моих для выражения моей благодарности Гераклиту за то, что он прислал тебя ко мне, мудрейшего из смертных, ибо вот — когда же и кто слышал, чтобы Царственная Повелительница Змей согласилась повиноваться человеку? Скажи мне, мудрый Аргивянин, как ты достиг этого? Или это — новый секрет Мудрости Фиванского Святилища? Китая.

¹⁰⁸ Великое Лемурипское море — Тихий океан.

— Это не секрет, Царица, — спокойно ответил я. — Я достиг этого тем, чего нет у тебя!

Удивлённо взглянула мне в очи Балкис:

— Нет у меня? Но чего же у меня нет, Аргивянин?

— Семени Любви Космической, прекрасная и мудрая Балкис, — сказал я.

В толпе Посвящённых послышался шёпот, и все как бы невольно подвинулись ко мне.

— Любви Космической? — переспросила, нахмутив брови, Царица. — Что это за Любовь Космическая? О, я её знаю, Аргивянин, — лукаво улыбнулась она. — Спроси хотя бы вот у этих трёх, — и она указала мне на три высокие, мрачные фигуры, стоявшие за её тронном, — они братья твои по Святилищу, Аргивянин, — спроси у них: понимает ли прекрасная Балкис, что такое любовь?

Спокойно и ясно смотрел я, Фалес Аргивянин, в сияющие очи Царицы.

— Не о той любви, говорю я, Балкис, — был ответ мой. — Я говорю о Любви ко всему сущему, что дышит и живёт и на что проливает свет и тепло Божественный Ра...

— Ко всему сущему? — переспросила Балкис. — Стало быть, я должна любить и змею, и... чёрного невольника моего?

И жемчужный смех Царицы рассыпался по залу, подхваченный её приближёнными. Но Посвящённые не смеялись, ибо вот — их Мудрость почуяла в словах моих Откровение новое.

— И змею, и чёрного невольника твоего, Царица, — спокойно подтвердил я, — ибо вот: змея — сестра твоя, а невольник — брат.

Гнев вспыхнул в очах Балкис, но тотчас же потух.

— Что это за новое учение возглашаешь ты, Аргивянин? — сдержанно спросила она, закусив губы.

— Это не новое учение, Балкис, — ответил я. — И мальчику, которому отец в первый раз даёт копьё, оно кажется новым, но оно поразило уже многих. Ныне сказано Тремя Мудрыми, — тут я возвысил голос, и он как гром пронёсся под сводами зала, — что время возвестить человечеству о Семени Любви Космической... Семени, говорю я, Царица, ибо самое Любовь принесёт с собою на Землю Величайший, имя которого — Тайна Космическая, а время прихода Его знает только Единый.

Нахмутив брови, охватила Балкис огненным взглядом всё собрание.

— Слышал ли кто-нибудь из Мудрых об этом учении о Семени Любви, которое возглашает фиванский пришелец? — громко спросила она.

Из толпы тихим шагом выступил высокий старик с седыми усами и такой же косою; под густыми бровями у него странно были прикреплены два круглых, совершенно прозрачных диска, сквозь которые строго и спокойно глядели глаза неизъяснимой мудрости.

— Я — посол Страны Дракона¹⁰⁹ с берегов Великого Лемурийского моря, — сказал он. — Имя моё — Лао-цзы¹¹⁰, я — служитель Бога Единого, Дао¹¹¹ Совершенного, Дао, в коем скрывается и соединяется всё: и фиванский мудрый посланец, и ты, прекрасная Царица, и Змея, и чёрный невольник, и я, смиренный служитель Дао. И эта великая тайна единения всего во всём свершается лишь посредством Любви Божественной, которую и возвещает нам мудрый эллин... Да будет покров Дао над головою твоей, Аргивянин, — обратился он ко мне, — ибо вот — слышал я Великое Провозвестие твоё и ныне спокойно приду в пещеру свою приложиться к земле предков моих, ибо чувствую я, что, когда придёт Величайший из

¹⁰⁹ Страна Дракона — Китай.

¹¹⁰ Лао-цзы (IV-III вв. до н.э.) — легендарный идеальный мудрец древнего Китая, предполагаемый автор канонического даосского трактата «Дао дэ цзин».

¹¹¹ Дао (букв. Путь, Принцип, Правда, Учение, Абсолют) — одна из основных категорий китайской философии; абсолютная реальность, изначальная по отношению к сфере феноменального бытия. Эквивалентами Дао часто признаются греческий Логос и индуистский Брахман.

Великих, то воззовет к тени моей, и скромный пророк Дао Совершенного придет послужить Ему...

И столько было в старце том дивной простоты и мудрого покоя, что я, Фалес Аргивянин, склонился перед ним, а Царица Змей приветливо зашипела, качая изумрудной головой у меня над плечами.

В зале воцарилось молчание.

— А кто эти трое, о которых ты говорил, эллин? — спросила меня побледневшая Балкис.

— Одного из них ты знаешь, Царица, — спокойно ответил я, — то Арраим Четырежды Величайший, жрец Денницы¹¹², Отец и Повелитель Чёрных...

Руки Балкис судорожно схватили ручки трона, и она порывисто наклонилась вперёд.

— Отец! — задыхаясь, воскликнула она. — Ты знаешь, ты видел его, Мудрец?

— Знаю и видел, Балкис, — сказал я.

— Когда и где?

— Вчера, в лесу около твоего города, Царица, — был ответ мой.

Диким огнём запылали очи прекрасной Царицы.

— Здесь... около... — повторила она. — И он ничего не велел передать мне?

— Велел, Царица, — сказал я, Фалес Аргивянин. — Он повелел мне сказать тебе, что тщетны твои поиски и старания увидеть его, хотя бы ты похитила не только Огонь одной планеты, а всех девяти¹¹³. Ты никогда не увидишь его, ибо ты преступила законы храма Богини Жизни, осмелившись проникнуть к Огню Земли и вступить тем в отношения с силами Хаоса. При этом ты не пощадила драгоценной жизни пророчицы, служительницы Богини; данную тебе красоту и мудрость ты употребила на то, чтобы ввергать в пучину падения Мудрых Посвящённых. Так вот тебе, Балкис, последний завет отца твоего: ты увидишь его только тогда, когда горящий в тебе Огонь Земли преобразишь в пламя Любви Космической, и тогда Величайший из Величайших, имеющий прийти в мир, соединит тебя с отцом твоим...

Холодная и грозная поднялась прекрасная Балкис с трона; мрачным огнём злобы горели её синие глаза.

— Ко мне, Мудрые моего Царства! — прозвучал её голос. — Вашу Царицу, вашу повелительницу оскорбил неведомый пришелец. Он — обманщик; не мог отец мой Арраим передать мне таких слов, унижающих меня. Да восстанет Владыка Огня Земного и да испепелит он врагов моих!

И окружённая предателями тайных Святилиц, она, вся охваченная облаком багрового света, запела какую-то дикую песнь-заклинание, и вторили ей слуги её. Дрогнуло собрание: я видел, как прибывшие Посвящённые один за другим покидали зал, и наконец в нём остались только я, Фалес Аргивянин, мудрый старик Лао-цзы, с печальным интересом глядевший на Царицу, и равви Израэль, укрывший голову плащом и что-то тихо бормотавший про себя.

Уже рухнула передняя стена зала, и на место её встала новая стена из мрачного тумана, клубами восходившего из какой-то бездны; уже чувствовал я приближение Огня Земли, леденящего и страшного; и вот, медленно-медленно сползла с меня Царица Змей и закружилась в ритмичном танце возле трона Балкис, как бы очерчивая вокруг нас троих магический круг¹¹⁴; голова Змеи, горевшая голубоватым светом, постоянно была обращена к стене мрака, а рубиновые глаза были как стрелы, пронизывающие пары недр планеты.

Но спокоен был я, Фалес Аргивянин, ибо велика была сила души моей; и видел я, как

¹¹² Денница — Утренняя Звезда (предтеча нового дня), Венера, Люцифер.

¹¹³ ...всех девяти... — Речь идет о девяти больших планетах Солнечной системы.

¹¹⁴ Магический круг — в западной школе магии круг, очерчиваемый магом вокруг себя перед совершением вызываний, для ограждения от злобных сил.

рядом с равви Израэлем вырисовались очертания двух духов Луны с рогатыми тиарами на головах, и как позади мудрого атланта Лао-цзы кишели густой толпой духи пустыни.

А во мраке тумана уже вставало чьё-то гигантское лицо багрово-красного цвета, виднелись чьи-то внимательно-злобные очи и подымалось туловище, покрытое как бы языками пламени. То был сам Бафомет, Владыка Преисподней, Царь Тартара, Великий Отверженный¹¹⁵.

Минуту или две покоились его злобные глаза на нас и потом медленно обратились на Балкис, протягивавшую к нему руки.

— Безумная Балкис! — раздался его голос, подобный отдалённому шуму огненного прибоя в жерле вулкана. — Зачем ты вызвала меня? Разве могу я бороться с самим собою, ибо вот — Царица Змей восстала против тебя?

— Безумная Балкис! Я — Владыка Земного Огня, но вот духи Луны ополчились против меня, и бессилён я против них¹¹⁶.

— Безумная Балкис! Что я могу сделать с неугодным тебе эллином, когда благословение отца твоего Арраима почует на нём? И разве не духи пустыни — слуги того, чьё имя — Молчание — стоят за третьим?

— Безумная Балкис! Это наказание твоё — ибо что общего между тобою — слугою моей и отцом твоим Арраимом, чьи ноги на стезе Того, чьё имя я не могу произнести? Разделяйся сама как знаешь, но помни, что никакая Любовь Космическая не вырвет тебя из рук и сердца моего!

— Дух лжи и отрицания! — бестрепетно загремел я, Фалес Аргивянин, в ответ на последние слова Духа Отверженного. — Пусть уйдёт Царица Змей, духи Луны и духи пустыни, пусть останусь один я, Фалес Аргивянин, носитель Священного Маяка Вечности с Семенем Великой Любви Космической в сердце и вступим с тобой в страшный и грозный бой за душу прекрасной Балкис, ибо вот — отец её — Арраим Четырежды Величайший поручил мне не погубить её, а наставить на стезю добра!

С глубоким удивлением смотрел на меня Дух Отверженный. И вот — как бы разгладилось его чело, а глаза загасили злобу и засияли каким-то другим, странным, как бы сочувствующим светом.

— Храбрый эллин, — раздался его насмешливый голос. — Или ты думаешь, что в предназначениях моего бытия заключаются и драки со всякими человеческими червями, мнящими себя мудрецами потому только, что на челе у них горит крестообразный знак? Или Премудрый Гераклит не внушил тебе, что борьба со мною есть борьба во времени? Имеешь ли ты достаточно Манвантар в твоём распоряжении, фиванский червяк, чтобы решиться на эту борьбу? Иди своей дорогой, червяк, — и кто знает? Со временем, если ты поумнеешь, быть может, мы поговорим с тобою, ибо всё-таки из всех человеческих червяков ты наиболее обещаешь в будущем...

И сразу погас огонь его очей, рассыпались очертания головы и тела, рассеялся хаотический туман, и вновь выступила из него стена зала.

Я оглянулся вокруг. Мирно покачиваясь взад и вперёд, по-прежнему молился закрытый с головою равви Израэль; задумчиво пощипывая бородку, стоял мудрый Лао-цзы, а дальше — возле трона Балкис — лежала в самых неестественных позах скорченная толпа её мудрецов. Сама Балкис, бледная как смерть, неподвижно сидела на троне, вперив безумные

¹¹⁵ Бафомет, Владыка Преисподней, Царь Тартара, Великий Отверженный — в европейской оккультной традиции олицетворение низшей материальной природы; андрогинный «Козел Мендеса» (см. Е.П.Блаватская. Тайная Доктрина. — Рига, 1937. — Т. 1, с. 318). Его изображение входит в колоду карт Таро в качестве 15-го из старших арканов.

¹¹⁶ «Я — Владыка Земного Огня, но вот духи Луны ополчились против меня, и бессилён я против них». — Следует отметить, что теософская традиция считает Луну останками небесного тела, предыдущего Земле в нашей «планетной цепи», которое передало ей «жизненную волну» эволюции и потому иногда называется Матерью Земли.

очи в рубиновые глаза Царицы Змей, с шипением продолжавшей перед ней свой таинственный танец.

Я произнёс заклинание, и она медленно вернулась ко мне и снова вползла на меня, опоясав моё тело.

Мудрецы Балкис начали выказывать признаки жизни, а сама Царица, глубоко вздохнув, закрыла лицо руками.

Долго длилось молчание. Наконец Царица прерывающимся голосом произнесла:

— Ты победил прекрасную Балкис, Аргивянин. Иди и возвести миру её поражение...

— Ты воистину безумна, Балкис, — ответил я. — Никого я не побеждал, — победил твой отец, Арраим Четырежды Величайший и Любовь Божественная. Но если ты признаёшь своё поражение, то я требую от тебя: отпусти тотчас со мною тех трёх Посвящённых Фиванского Святилища, которых ты приковала к трону своему красотой и мудростью своей...

Прекрасная Балкис пожала плечами.

— Зачем они мне, о, Аргивянин!

— сказала она. — Бери их. Но скажи, мудрый эллин, от себя ли ты заступился за душу мою пред Господином Огня Земли или от имени отца моего?

— От себя, Царица, — ответил я.

— Ибо я знаю, что Любовь Космическая царит в сердце Арраима: и вот — как же он бросит дитя своё на погибель Пралайи? А что может противостоять мудрости и силе первого Мага планеты?

— Ты воистину мудр, эллин, — слабым голосом сказала, подумав, Балкис. — А теперь — идите от меня, Мудрые, — обратилась она к нам троим, — и оставьте бедную Балкис в одиночестве, дабы могла я подумать о... Любви Космической, — с лёгкой насмешкой окончила она.

— Да пребудет с тобою Дао, душа заблудшая, — тихо ответил ей Лао-цзы.

— Адонаи, да будет благословенно его Имя, да посеет мир в смятенной душе твоей, — проронил тихо равви Израэль.

— Да осенит Любовь Божественная сердце твоё, Балкис, и да возвратишься ты в объятия отчие! — громко сказал я, Шалее Аргивянин, и накинул на Царицу покров из дыхания Мудрости своей.

Сразу порозовели её щеки и загорелись жизнью и силой синие глаза.

— Я не забуду пожелания твоего, Аргивянин, — звонко сказала она. — Трижды побеждала я Фиванское Святилище, но на четвёртый — ты отомстил с лихвой, мудрый эллин. Но да видит Небо! — нет на тебя злобы в душе моей.

И вот мы оставили прекрасную Балкис. На этот раз я, Фалес Аргивянин, взял у равви Израэля четырёх верблюдов, поместив на трёх из них отвоёванных мною изменников Святилища.

Тепло, со взаимными благословениями, распростились мы трое, не забыв дать дыхание своё¹¹⁷ в награду мудрой Царице Змей.

И сказал мне на прощание мудрый Лао-цзы:

— Аргивянин! Много есть часов, дней и годов в Дао бесконечном; но счастливейшим из них будет тот, в который я снова встречу с тобою, благородный эллин. Душа моя прочла в книге Дао, что я буду призван Величайшим из Величайших к служению Ему. Помни, Аргивянин, если я позабуду в то время о встрече нашей, ты напомнишь мне о ней!

— И я знаю, что не в последний раз встречаюсь с вами, Мудрые, — подтвердил равви Израэль. — Воистину планета наша мала для Мудрых...

Велико было торжество в Фиванском Святилище, когда я, Фалес Аргивянин, прибыл туда.

¹¹⁷ ...дать дыхание своё... — в системе религиозных и мистических представлений дыхание выступает символом и сущностью жизни; отсюда «душа», «дух», «вдохнуть жизнь», «испустить дух».

С дивною пышностью отправили мы богослужение в храме Изиды, и вот — сам Гермес Трижды Величайший, явившийся нам в облаке огненном, увенчал меня, Фалеса Аргивянина, Лучом высшего Посвящения. А затем Иерофант Святилища Мудрый Гераклит низвел Огонь Пространства на головы приведённых мною изменников Святилища, отдав души их во власть Царицы Змей, верно служившей мне в путешествии моём.

Да будет мир мой над головой твоей, Эмпедокл! В дальнейших рассказах моих ты встретишь ещё всех лиц, которых назвал я в повествовании своём.

Фалес Аргивянин

VIII . Воскресение Христово

*Фалес Аргивянин — Эмпедоклу,
сыну Милеса Афинянина, —
о могуществе бесконечном
Любви Распятой — радоваться!*

Клонился к вечеру третий день после Жертвы Неизреченной; но ещё' заря вечерняя не наводила на небосклоне разноцветных бликов своих, а я, Фалес Аргивянин, в саду Гефсиманском, подле камня, казалось, ещё не высохшего от слез Божественных, — молился Ра Единому¹¹⁸, и в первый раз на планете Земля Великий Посвящённый присоединил к Имени Матери своей Имя Бога распятого.

И только Имя это слетело с уст моих, выговоривших слова молитвы тайной на языке священном прародителей наших, — как с высот Космоса ответом далёким отозвались мне, Фалесу Аргивянину, хоры светлых Эволюции¹¹⁹, и крылья их с радостным удивлением зашелестели вокруг меня:

— Блажен ты, муж, человек Мудрый, первым бросивший новое Имя Бога в бездну Космоса, — зашептали их бесплотные уста.

— Слава Фалесу Аргивянину, слава! — загремели духи стихии воздушной. — Слава ему, новое Имя Единого призвавшему!

И услышал я, Фалес Аргивянин, тихий радостный вздох Матери-Земли.

— Прими благословение моё, сын мой, великое и мудрое чадо моё, — прошептала Земля, — ибо новое Имя Бога Единого произнесено тобою как человеком, перстью моей, сердцем моим! Мать-Земля благодарит тебя, мудрый сын мой, Аргивянин!

И вновь произнёс я славословие Богу Вседержителю, Христу Распятому, и вот вся природа: и дол, и высь Земли, и свод небесный — тихим шёпотом повторили слова мои. И преисполнилась грудь моя силою великой, будто собралась в ней вся мощь Космоса Божественного.

— Воистину смел и мудр ты, Аргивянин, — раздались за плечами моими слова Арраима Четырежды Величайшего, — что осмелился ты ранее Таинства Неизреченного произнести Имя новое Господа Единого!

— О, нет, не ранее, Четырежды Величайший, — ответил я, — ибо вот — таинство это уже совершилось в сердце моём, и вера моя есть жертвенник великий, на коем удержится вся Вселенная!

Пристально посмотрел на меня Арраим.

¹¹⁸ ...молился Ра Единому... — Во многих мифологиях, религиях и оккультных школах Солнце олицетворяет высшее Божество нашего мира. В эзотерическом христианстве одна из сторон природы Христа рассматривается как воплощение солнечного Логоса.

¹¹⁹ ...хоры Светлых Эволюции... — По-видимому, речь идет об эволюционных линиях нечеловеческих существ Космоса.

— Воистину, — ответил он, — благословенна за тебя Эллада, Мудрый, и из четырёх эволюции человеческих, которые наблюдал я, Арраим, на пути странствий моих по Нивам Всевышнего, не было никого мудрее и смелее тебя! Но, — продолжал он, положив руку на плечо моё, — не пора ли нам, Аргивянин, пойти туда, где покоится Тело Божественное?

Я, Фалес Аргивянин, ожидал этого приглашения и, молча кивнув головою, неторопливо пошёл за Арраимом. А он вышел из сада, прошёл в город и там, зайдя в один из маленьких домиков, возвратился оттуда, держа за руку молодого ученика Распятого — кроткого Иоанна.

Увидя меня, он пал на плечо моё и долго рыдал, мучительно и тяжело.

— Неужели ты не веришь, Иоанн? — серьёзно спросил я, Фалес Аргивянин, и Дыхание моё и сила моя пали на голову юноши.

— О, нет, мудрый чужеземец, — ответил мне Иоанн, — несокрушима вера моя, но я — человек обыкновенный, и сердцу ли человеческому вынести скорбь дней минувших?

— Не совсем обыкновенный ты человек, Иоанн, — сказал я, и, отклонив плечи слегка назад, пристальным взором впился в его очи. — Вспомни, Иоанн, приказываю тебе, — вспомни море Аемурийское и Страну Дракона! Вспомни, Иоанн, встречу нашу у трона Царицы Балкис! Вспомни имя твоё, сын Атлантиды!

И широко-широко раскрылись очи юноши, и вспыхнули они внезапно Огнём Великого Познания.

— Я — Лао-цзы, сын Страны Дракона! — прошептал он. — И я... я знал, что Он — Бог мой и Спаситель мой — призовет меня к Себе!

А сзади кто-то уже подходил к нам, кроткий, ласковый и тихий. То была Она, Мать всего Сущего, Вечноюная Дева-Мать, Изиды Предвечная, Царица Небесная, Дева Мария Препоблагословенная. Все трое: я, Фалес Аргивянин, Арраим Четырежды Величайший и Иоанн — упали во прах пред Нею.

— Встаньте, мудрые слуги мои, — ты, Арраим, и ты, Аргивянин, — прозвенел над нами голос её. — Встань и ты, сын мой Иоанн, встань, чтобы вести Мать свою туда, где свершится последняя Воля Всевышнего. Идёмте, Мудрые, ибо вот — Мудрость ваша давно перестала быть мудростью человеческой¹²⁰, и глазам её будет раскрыто то, что не могут ещё видеть очи сынов Земли...

— А ты, Аргивянин, — обратилась она ко мне, — ты, вплетший нить свою в нити Божественные, ибо кто как не ты передал мне, Матери твоей Египетской, удар, победивший плоть очей моих, и кто как не ты пробудил память сына моего Иоанна и раскрыл перед ним бездны Космические, — ты, Аргивянин, говорю я, будь вторым сыном моим; а ты, всегда верный мне слуга и Царь детей моих чёрных, Арраим Премудрый, будешь мне третьим сыном. Итак, встаньте, Любовь, Мудрость и Сила — дети мои, сыновья мои, и грядёмте встречать Победителя, Сына Моего по плоти и Отца Моего по Духу!

И вот, Аврора вечерняя уже залила небосклон кровью девственных ланит своих, когда мы четверо вступили в огромный сад Иосифа Аримафейского и скрылись под сенью кедров, окружавших скалу, на противоположном склоне которой находился грот, охраняемый десятком римских воинов.

— Удержите глаза свои, Мудрые, — властно сказала нам Она — Матерь Бога Распятого, — ибо не годится вам видеть тайну недр гроба Сына Моего. Но ты, Арраим, напряги свою волну и вызови сюда трёх Марий — три сердца любящих, и да найдут они здесь награду любви и верности своей!

И вот — властно прозвучали стальные магические слова, сила изошла от потемневших очей Четырежды Величайшего и рассыпалась как сноп молний. Не прошло и получаса, как вдали показались спешившие по пыльной дороге три женские фигуры. Первой была Мария

¹²⁰ «Мудрость ваша давно перестала быть мудростью человеческой...» — Прошедший высшее Посвящение ступает за грань людской эволюции и становится на принципиально более высокий путь в качестве Адепта, Архата, Махатмы (в частности, он не подвержен более необходимости периодических воплощений, помимо собственной воли).

из Магдалы, второй — та странная еврейская девушка, из-под покрывала которой на меня блеснули Божественные очи Афины Паллады; и третьей — мать сыновей Зеведеевых¹²¹, кроткая женщина, мать, любящая, покорная и тихая, великая и в любви своей, и в покорности своей, — аспект материнский, не пожалевший сыновней плоти на служение Жертве Божественной. Магдалина подбежала к Матери Господа моего и пала на колени.

— О Мать! — выговорила она, заливаясь слезами, — не знаем, что случилось с нами; но мы слышали голос твой и сами не понимаем, как прибежали сюда...

— Так нужно, — тихо сказала Мария-Дева. — Будешь со мною здесь на молитве до часа полуночного...

И ласково кивнув мне и Арраиму, Она ушла с женщинами и Иоанном в чащу деревьев на молитву.

— Идём Аргивянин, занесём на свиток памяти нашей грядущее Таинство, — сказал мне Арраим. — Ибо вот — время уже близко...

— О! Господин мой! — вдруг вздохнул глубоко Арраим и простёрся ниц.

И я, Фалес Аргивянин, на фоне заалевшего неба узрел дивную, незабываемую картину: два ока гигантских, каждое с крылами, занимавшими четверть небосклона; крылатые, дивные очи с непередаваемой силой тревожного, страстного ожидания неподвижно глядели на скалу, заключающую в себе гроб Распятого; а над очами подымался лоб, увенчанный золотыми волосами, и были волосы те звёздными нитями всего Космоса, всей Вселенной, ниспадая в бездны Мироздания; уста были как систрум семиструнный, звучащий вечною хвалою Единому Творцу. И видел я, Шалее Аргивянин, что нет преград для гигантских очей и что смотрят они в самую глубину скалы, наблюдая там нечто дивно-страшное, ради чего стоило ожидать мириады вечностей, ушедших на закат; и было в Таинстве, заключённом в недра скалы, что-то, свершения чего всем существом страстно хотелось дивному владельцу гигантских крылатых очей, одетому в миры Вселенной.

И понял я, Фалес Аргивянин, что странная судьба моя послала мне неизреченную минуту лицезрения самого Демиурга, Люцифера Сладчайшего, Денницы Пресветлого, Сына Первородного Ипостаси Триады Первичной.

— О, Свет Первозданный, День Проснувшийся, Первородное Дитя Творения, Отец Стихии Огненной, прими поклонение моё! — возгласил я, Фалес Аргивянин, от полноты сердца моего, не в силах будучи отвести глаза мои от очей дивных, в глубине коих видел я родину душ человеческих, в том числе и колыбель свою, Фалеса Аргивянина.

И вот — за могучей главою Денницы вспыхнул как бы свет великий, и зароились в том свете неисчислимы когорты сверхчеловеческих Эволюции, и ушёл свет тот, дорога эта блистающая в такие глубины Беспредельности¹²², которые ни разу ещё не оведал мыслью о них разум даже Великого Посвящённого. Не было конца ленте этой — радуге Творения, блещущей всеми цветами мира Солнечного, и знал я, Фалес Аргивянин, что конец радуге этой — только там, у Престола Неизреченного...

И увидел я, Фалес Аргивянин, около лежавшего во прахе Арраима Четырежды Величайшего двух существ дивных, небесной красоты; и были у них крылья за плечами, чёрные с голубыми полосами; они склонились над Арраимом и что-то ласково шептали ему. И дано было мне, Фалесу Аргивянину, понять, что существа эти — сыны подлинной расы Арраима¹²³; и поднялся он, и первый взгляд его, брошенный на меня, был исполнен

¹²¹ Мать сыновей Зеведеевых — Саломия, жена Зеведея, мать апостола Иакова-старшего и евангелиста Иоанна, одна из последовательниц Иисуса Христа, присутствовала при его распятии и погребении. Считается сестрой Марии-Богородицы.

¹²² Беспредельность — фундаментальная категория оккультной философии, вмещающая идею бесконечности: а) сложноорганизованного (непрерывно и дискретно, параллельно и вложено) пространства-времени, б) форм существования материи и жизни, в) эволюции всего сущего, эманулирующего из совершенной полноты Абсолюта.

¹²³ Сыны подлинной расы Арраима. — По-видимому, речь идет о человечестве Венеры, пребывающем в

изумления.

— Как! — воскликнул он. — Ты, человек, видел Люцифера Светоносного и всё ещё таишь Луч Жизни в теле своём?

И выпрямился я, человек Фалес Аргивянин, сын Персти Матери-Земли, и гордо ответил Арраиму:

— Что может мне, человеку Фалесу Аргивянину, сыну Земли, сделать Светоносный Денница, если я сидел в полном сознании своем одесную самого Бога в саду Магдалы?!

И низко склонился предо мною Четырежды Величайший.

— Воистину, — прошептал он, — Земля в лице твоём, мудрый Аргивянин, победила Космос силою Бога Единого... Не я теперь поведу тебя, Аргивянин, — продолжал он, — а тебя прошу вести меня дальше, где должны мы узреть Проснувшегося...

И я, Фалес Аргивянин, смело пошёл вперёд. А кругом — хотя уже настала ночь — не спало ничто, а всё как бы притаилось, ожидая свершения Таинства великой победы Духа над плотью в недрах её.

Перед пещерой запечатанной спали римские воины, не видя, как свет золотистый тонкими лучами изливался уже сквозь расщелины приваленного камня.

Тишина вокруг была несказанная. И горели на небосклоне попрежнему крылатые очи, и по-прежнему дорогой радужной уходили ввысь сонмы Эволюций высших, и духи стихий, собравшись вокруг, пели неслышными голосами гимны гармоний бесконечных.

И раздался в тиши один только звук — высокий, чистый и нежный, раздался и замолк. Возник снова — ещё чище, ещё нежнее... И вдруг волною полились, братья и сестры¹²⁴, звуки, но не торжествующие, как думаешь ты, Эмпедокл, а нежно и тихо славословящие. То был не гимн победно торжествующий, а любовное возвращение Бога Распятого к распявшей Его плоти человеческой; не торжество звучало, а Всепрощение, ибо вот — какая же победа может быть у Господа Всемогущего и Всесильного?

И тихо-тихо повернувшись, упал камень приваленный, яркий свет хлынул волною из пещеры, и на пороге её показалась дивная фигура Христа Иисуса.

Светел и благостен был Лик Его Божественный, Любовью бесконечной светились Его кроткие очи, и первый взгляд Его был туда, где на небосклоне горели крылатые очи Денницы, вспыхнувшие тотчас восторгом Божественным. И раскрылись уста Люцифера Светоносного, и невыразимой торжественности гимн излился из них, неся в бездны Хаоса строительство миров новых на новых началах победы над смертью...

Подняв десницу, протянул Христос её по направлению к Люциферу, и вот над челом Светоносного вспыхнул символ союза Первозданного со светом Любви Божественной — крест, увитый кроваво-красными цветами Жертвы Божественной¹²⁵.

И гимн Денницы был подхвачен сонмами Эволюции сверхчеловеческих и стихийных, и вот — пела вся Вселенная, весь Космос, и даже низкие звуки, проснувшись, откликнулись из бездны Хаоса.

И снова поднялась благословляющая десница Господа Проснувшегося. И тихо сказал Он:

— Довольно, дети! Идите в обители свои. Оставьте пока меня одного с бедными детьми Земли, ныне вновь обретенной для Царства моего.

И замолчали хоры, и рассыпались гимны, и потухли крылатые очи, и побледнели когорты Эволюции сверхчеловеческих и стихийных. И вот пред лицом Земли и человечества следующем по отношению к земному (т.е. пятом, по теософскому исчислению) цикле развития.

¹²⁴ ...братья и сестры... — обращение к слушателям, записывающим послание.

¹²⁵ Символ союза Первозданного со светом Любви Божественной — крест, увитый кроваво-красными цветами Жертвы Божественной. — Крест и роза (златорозовый крест) — символ одного из наиболее знаменитых и таинственных оккультных орденов Европы — розенкрейцеров. Единение духа и материи через божественную жертву любви.

стоял снова кроткий плотник Иисус, силою Богочеловечества своего Смерть победивший.

И Земля откликнулась: первый звук — был звук ужаса, изданный группой проснувшихся и ослепленных светом воинов римских; и видел я, как одинокая фигура женщины метнулась сначала ко гробу отверстому, а потом быстро побежала вслед медленно двигавшемуся по дороге Христу; я узнал её: то была Мария из Магдалы.

— Господин... — начала было она, но потом, взглянув пристальнее, с воплем радостного испуга кинулась к ногам Проснувшегося.

— Не прикасайся ко мне, Мария, — тихо сказал ей Господь, — ибо вот — полон ещё я Славы Небесной, и она сожжёт тебя... Встань и пооди, предвари учеников моих, да ожидают они меня в Галилее, под нашими кедрами... Встань, Любовь Человеческая, ныне обращённая в Любовь Божественную, встань, Мария кроткая, Мать всех грядущих Марий, во плоти явленных!

И благословив рыдавшую Марию, медленно двинулся Господь дальше, где ожидала Мать Его с двумя другими женщинами. Но по пути Его были ещё мы: Арраим Четырежды Величайший и дитя Земли — я, Фалес Аргивянин.

Кротко и ласково глядел на нас плотник проснувшийся и Бог Неусыпный.

— Аргивянин! — раздался Его нежный голос. — Разрешаю узы твои с человечеством и благословляю на Служение новое. Но раньше заверши на Земле великую задачу твою. Я доверяю тебе, сыну Земли, частицу Силы Моей, — и Он дотронулся рукой до чела моего, — снеси её в дальние пещеры Эфиопии и даруй жизнь новую Первозданной Царице Персти Земной, во прахе ползающей, и сведи туда же любимую дочь мою, да пребудет она там у дочери Арраима, раба моего, доколе не скажу ей восстать на служение мне...

И увидел я, Фалес Аргивянин, как Мать Господа моего подвела к Нему ту скромную иудейскую девушку, из-под покрывала которой когда-то глянули на меня очи Афины Паллады.

— Вот она, дочь моя, — сказал мне Господь мой, — явленная векам грядущим под именем Софии Премудрости Божией, вручаю тебе её, Аргивянин, а она уже принесёт Балкис страдающей всё то, что предсказал некогда ты ей, мудрый эллин, движимый Духом моим. Прими же благословение моё, Аргивянин, и не мешкай. Оставь меня пока здесь с Матерью моей, третьей Марией и слугою моим Арраимом. Гряди, эллин, в дивный и дальний путь благословенной жизни своей!

И я, Фалес Аргивянин, простёршись у ног Господа моего, взял за руку молчавшую девушку и, не оборачиваясь, ибо я был на Стезе Божьей, пошел из сада Иосифа Аримафейского.

Только вышли мы из сада, как увидели приближавшегося к нам человека с длинной белой бородой, ведшего в поводу двух вполне готовых в путь белых верблюдов. В момент встречи нашей он низко склонился предо мной и сказал:

— Дозволит ли благородный и мудрый Фалес Аргивянин старому знакомому вновь служить тебе верблюдами для пути дальнего со священной спутницей твоей?

— Ноги твои также на Стезе Господней, равви Израэль из Ура Халдейского, — сказал я. — От имени спутницы моей благодарю тебя, Мудрый.

Я не стал более разговаривать с равви Израэлем, ибо вот — что было в материи, что могло бы скрыться от взора старого халдея?

Дни и ночи молчала закутанная в покрывало спутница моя, пока вдали не засияли знакомые очертания гор эфиопских.

В глубине горного храма Богини Иштар нашёл я тайное место пребывания Царицы Балкис, давно уже покинувшей трон и променявшей убор Царицы на покрывало старшей жрицы уединённого женского Святилища.

Оставив спутницу мою во внешнем дворе храма, я один вошёл в покой прекрасной Балкис.

Она сидела склонившись над грудой свитков старинного пергамента. Это была всё та же дивно, несказанно прекрасная женщина — только складки глубокого страдания и

векового раздумия положили печать свою на высокое чело её.

При первом взгляде на меня глубокий крик сорвался с её прекрасных уст:

— Мудрый эллин!

И вот я, Фалес Аргивянин, узрел гордую Царицу Савскую, Балкис прекрасную, дочь Арраима Четырежды Величайшего — лежащей во прахе у ног моих.

Я не поднял её, ибо вот — на устах моих была речь и послание не мои, а Страдальца Божественного.

Только высказав всё, я разрешил Балкис встать, и увидел лицо её обновлённым потоками сладостных слез и оживлённым Любовью Божественной.

— У слабой Балкис нет слов для выражения благодарности тебе, посол Божественный, — сказала она. — : Да и нуждаешься ли ты в ней? Но где таинственная спутница твоя, которую я должна беречь, по словам Величайшего из Величайших?

И вот когда я ввёл в покой Балкис Софию Священную, — Царица взметнулась при виде открытого лица её и в ужасе несказанном протянула вперёд руки.

— Арра! Арра! — глухо проговорила она и вновь поверглась во прах перед прибывшей.

И в первый раз я услышал голос Софии Божественной. И был этот голос как соединение миллиардов других голосов, восставших из глубин Космоса, и подобен он был плачу систрумов всех храмов Богини-Матери, и звучнее хоров ангельских:

— Не Арра я, сестра моя, Балкис прекрасная, но мать Арр всей Вселенной, ибо все Арры от века рождены в несотворённом сердце моём, — сказала она, и рука её ласково легла на чёрные косы Балкис. — Встань, сестра моя, Балкис премудрая, встань и прими меня под таинственный кров твой до тех пор, пока голос Господа и Отца моего не призовет меня в мир. А ты, эллин, трижды благословенный, — обратилась София Божественная ко мне, — прими и от меня благословение и на новый путь, и на окончание человеческого пути твоего...

И я, Фалес Аргивянин, простёршись у ног Новой Загадки Космоса¹²⁶

Не уйди, явленный Владыко!

Не покинь Ты нашего сада! Звездами путь твой украшен.

Я найду по ним след Твой,

За Тобою пойду, мой Владыко!", вышел из храма и продолжал путь свой к Первозданной Царице Персти Земной.

Шесть дней шёл я, Фалес Аргивянин, подземными ходами и руслами рек недр земных, бестрепетно переходил земные пропасти и полз узкими коридорами и трещинами первозданных глыб гранита. И путь мне освещал возжжённый мною Маяк Вечности над челом моим, а проводником была Великая Мудрость Фиванского Святилища.

Наконец я дошёл до пласта пород рубиновых и там, в покое, выдолбленном из целого гигантского изумруда, нашел её, дивную Царицу Змей, так верно служившую Мудрости моей в день первого посещения моего Царицы Балкис. И выпрямилась дивная Змея на конце хвоста своего, и приблизила рубиновые очи свои ко мне: мириады лет мучительного

126 ...Новой Загадки Космоса... — Отрывочно и недосказанно-таинственно описанная история Арры-Марии-Софии — сопутствовавшей Христу и получившей от него завет «встать на служение» ему в некоем грядущем времени — иногда сопоставляется с некоторыми чертами жизни и деятельности Матери Агни-Йоги, Е.И.Рерих. Так, ее присутствие рядом с Христом в одном из прошлых воплощений неоднократно утверждается в книге «Надземное»: «Урусвати имеет записи о некоторых днях Великого Путника (Христос — прим. ред.). Она сохранила в памяти Облик Его...» (§ 146). «Урусвати помнит Великого Путника...» (§ 149). Свою духовную деятельность она определенно рассматривала в русле служения делу Христа и Будды, чьи облики синтезировала в образе «Единого Аватара, оявленного с каждой Манвантарой». Первая книга серии Агни-Йоги «Листы Сада Мории (Зов)» провозглашает: «Молись Христу, умей найти радость обращения к Творцу» (27.05.21), «Ученики должны счастье узнать в любви Христа» (04.06.21), «Дух Христа веет через пустыни жизни. / Подобно роднику стремится через твердыни скал. / Сверкает мириадами Млечного Пути и возносится в стебле каждого цветка» (03.09.21), "Светлому Храму ступени строим, / Скалы Христу приносим. / Утверди престол, Владыко, Свой в саду нашем. /[...

ожидания светились во взоре её.

И смело поднял я, Фалес Аргивянин, руку свою, и властно призвав Имя новое Бога Единого, — повелел данную мне частицей Силы Его восстать из пучин небытия Сущности Великой — Первозданному Царю Персти Земной, прародителю рода человеческого, дивному созданию Мудрости Строителей¹²⁷.

И послушный властному призыву моему, восстал Он, Адам Первородный, во всей дивной и непередаваемой красе своей, восстал кроткий и любящий, восстал во всем неведении ангельском райского бытия своего.

И коснулся я, Фалес Аргивянин, лба Царицы Змей и сказал:

— Волею Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего во плоти спасти грешных всего мира от дня Создания, — повелеваю тебе, Лилит¹²⁸ Премудрая, покинуть образ Мудрости ползающей и принять вновь первозданный образ свой и присоединиться к супругу своему!

Точно тысяча громов рассыпалась по пещере рубиновой — и спала кожа змеиная, и передо мною, Фалесом Аргивянином, предстала во всей непередаваемой красоте и мощи Аилит Первозданная, светлая и радостная, ибо вот — получила она то, чего не имела от создания своего — частицу Любви Божественной. И распахнул к ней Адам Первозданный объятия свои, и слились они воедино, и в волнах гармонии астральных¹²⁹ исчезли в глубинах Мира Схем и Предначертаний Космических¹³⁰.

И вознёс тогда я, Фалес Аргивянин, мольбу благодарственную ко Господу Христу Иисусу и силою Мудрости своей перенёсся в теле из недр земных в пустыню Аравийскую, где начинался новый путь мой.

Благословение кроткого плотника Галилейского — Бога Всевышнего призываю на тебя, друг мой Эмпедокл!

Аминь.

Фалес Аргивянин

Эпилог. Дух Скорбного Творчества

...Я давно стою возле тебя, вижу, как ты мечешься, обессиленный, и тщетно зовёшь

¹²⁷ Строители. — Возможно, речь идет о божественных предках человечества, в индуизме называемых питрисами. В «Теософском словаре» Е.П.Блаватская сообщает: «Обычно полагают, что этот индусский термин обозначает духов наших предков, развоплощенных людей, отсюда довод некоторых спиритуалистов, что факиры (и йоги) и другие восточные чудотворцы суть медиумы. Это ошибочно более чем с одной стороны. Питри не являются предками ныне живущих людей, но предками человеческого рода или адамических рас; духами человеческих рас, которые на великой лестнице нисходящей эволюции предшествовали нашим человеческим расам и которые физически, так же как и духовно, были намного выше наших современных пигмеев. В „Манав Дхарма Шастре“ они названы Лунными Предками».

¹²⁸ Лилит — по одной из версий предания, сотворенная Богом из глины первая жена Адама, вскоре покинувшая мужа из-за его отказа считать ее равной себе (после чего Бог сделал Адаму жену из его ребра). Согласно основополагающему каббалистическому трактату «Зогар», Лилит стала женой ангела смерти и владыки преисподней Самаэля, матерью демонов. Благодаря интересу к каббале в эпоху Возрождения предание о Лилит как первой жене Адама широко распространилось в европейской литературе.

¹²⁹ Астральный (лат., букв, звездный) — в оккультизме относится к первой сфере над земным уровнем материальности.

¹³⁰ Мир Схем и Предначертаний Космических. — В европейском оккультизме астральный мир является сферой тонкоэнергетических структур, играющих роль матриц для земных форм и того или иного течения событий.

обманчивые видения Сна, моего лукавого брата¹³¹. Вот я укрою тебя краем плаща моего, дотронусь до вежд твоих и дам тебе на мгновение то, что люди громко называют Посвящением в Тайну. Я буду говорить тебе там, глубоко внутри, а ты будешь видеть всё то, о чём будет речь моя.

Я сейчас вернулся из сфер космических¹³². Ты знаешь, я полетел туда искать Фалеса Аргивянина. Но не нашёл его — его там нет¹³³. Мне сказал кто-то, что он ушёл в царство Спящей Эллады¹³⁴ и тихо бродит там, одинокий и хмурый¹³⁵, среди бледных руин древних храмов, в таинственных священных рощах, залитых робким, задумчивым светом Селены, в царстве забытых грёз, на мраморе изваянных молитв, отзвучавших песнопений и мертвенного сна человеческой истории. Там, у разрушенного храма Афины Паллады, в масличной роще, окутанной волнами усыпляющего аромата, есть дивный царственный саркофаг из мрамора Каррары; над ним сонно мерцает как бы блуждающий огонёк голубоватого цвета в форме Великого Маяка Вечности. Тайными письменами на саркофаге изваяна надпись:

ФАЛЕС ДИОСМЕГИСТОС¹³⁶
сын Аргоса
Великий Посвящённый
царственных Фив

131 ...Я давно стою возле тебя, вижу, как ты мечешься, обессиленный, и тщетно зовёшь обманчивые видения Сна, моего лукавого брата. — Первая фраза эпилога может быть истолкована как обращение высшего, истинного «Я» воплощенного человеческого духа к своей личности, все еще разобщенной с ним. Согласно оккультно-мистической традиции, все труды и усилия подвижника тайной мудрости любой школы или направления преследуют единую высшую цель — воссоединение с собственным внутренним духовным Эго, которое и может озарить сознание преходящей земной личности светом истинного постижения. И только это откровение духа может быть подлинным в противоположность «сонным» блужданиям души по нескончаемым лабиринтам соблазнов видений астральных сфер «Чертога Познания», где царствует призрачный свет «драгоценного венца великого соблазнителя Мара ... издевающегося демона иллюзии» («Голос Безмолвия»). «Когда же познаешь ты свое собственное неведение, беги из Чертога Познания. Опасна его коварная красота, и нужен он только для твоего испытания. Берегись, чтобы душа твоя, ослепленная его обманчивым сиянием, не замедлила и не попала во власть его призрачного света... Беспечная душа, что слабеет в борьбе с издевающимся демоном иллюзии, вернется на землю рабою Мара... Замкни крепко чувства твои, дабы не проникла в них губительная ересь разобщения, которая отвергнет тебя от Целого... Добивайся, чтобы Огненная Сила вступила в сокровенный покой сердца твоего, в свою истинную обитель... где станет она дыханием ЕДИНОЙ ДУШИ, голосом УЧИТЕЛЯ, наполняющим всё. Тогда только можешь ты стать „Небесным Странником“, который попирает ветры, несущиеся над водами, и ступнями своими не касается волн... Когда вся личность твоя побеждена и повергнута к ногам Учителя, тогда ученик сливается с ЕДИНЫМ, отождествляется с ЕДИНЫМ и пребывает в Нем» («Голос Безмолвия»).

132 Сферы космические. — Речь идет о мирах вещественного (как плотного, так и тонкого) бытия, рассматриваемых как поле накопления опыта и испытания.

133 ...его там нет. — Эту фразу следует понимать как утверждение того, что Фалес перешагнул за грань мира Великой Иллюзии, или Майи.

134 Царство Спящей Эллады. — Философия оккультизма и опыт выдающихся визионеров говорят о существовании в тонких сферах областей различных культур человечества, в том числе и покинутых останков давно угасших культур (подобно руинам их храмов, городов и поселений на земле).

135 ...тихо бродит там, одинокий и хмурый... — Астральная оболочка (покинутое духом тонкое тело) Посвященного нетленна в тонком мире, подобно мощам Святого на земле.

136 Диосмегистос (греч.) — Дважды Величайший.

И долго, долго — знаю я, Дух Скорбного Творчества, — будет стоять здесь, у своего саркофага, великий мудрец, сын уснувшей сном отгремевшего Космоса Эллады, дивный Маг, брат Царицы Змей, разрушитель царства прекрасной Балкис, могучий стихийный разум¹³⁷, сидевший одесную Бога в скромном саду Магдалы — Фалес Аргивянин.

И когда царство Спящей Эллады, качаясь на серебристых нитях грёз, унеслось в бесконечные Провалы Бытия, я развернул свои крылья и полетел над нежными волнами Эгейского моря туда, в страну, где венец человеческого страдания был надет на чело Бога. И знойному ветру пустыни бросил свой немой вопрос:

— Где равви Израэль, великий и могущественный халдей, слуга грозного Адонаи, Первосвященник Израильский, сын авраамита¹³⁸ Иакова¹³⁹?

И увидел я, как закружились джинны — духи пустыни, доселе мирно спавшие в расщелинах неприступных скал, высившихся среди бесконечных знойных морей песка, как бросились они к безжизненно-бледной глади Мёртвого моря, и разбудили дремавших там призрачных стражей погребённых на дне городов, и испуганно зашептали им:

— Кто-то ищет великого халдея Израэля, сына авраамита Иакова, царя Ура Халдейского, носителя печати Соломоновой!¹⁴⁰

И с тихим звоном упали на песок лучи Луны, и упав, рассыпались на полчища лунных духов, тех самых, что любят играть с уснувшими больными детьми. Они окружили меня и зашелестели:

— Дух, ты ищешь равви Израэля, слугу Лунного Бога¹⁴¹? Лети с нами, мы знаем, мы покажем тебе...

И мы прилетели в самое сердце горячей пустыни. Ни одного кустика, ни одной пальмы не было вокруг. Только кое-где из-под песчаного покрова выдавалась кость — единственный след погибших некогда караванов.

И духи Луны позвали робко летевших за нами джинов и велели им убрать песчаные покровы. Закружились джинны и воздвигли смерч, и он смёл песок, а под ним обнаружилась огромная чёрная базальтовая плита, а на ней — тайными письменами изваянная надпись:

ИЗРАЭЛЬ

¹³⁷ ...могучий стихийный разум... — Намек на переход Фалеса с человеческого пути на путь стихийных духов.

¹³⁸ Авраамит — потомок Авраама (букв, отец множества) — праотца еврейского народа из халдейского города Ура.

¹³⁹ Иаков — внук библейского праотца Авраама, патриарх еврейского народа. Выдержал таинственную борьбу с Богом, после чего получил от него новое имя Израиль, т.е. Богоборец (Быт., XXXII). Если Авраам почитается отцом верующих, то Иаков, или Израиль, стал символом и представителем всей ветхозаветной Церкви. По аналогии, новозаветная христианская Церковь нередко называется Новым Израилем.

¹⁴⁰ Печать Соломона — шестиконечная звезда, образованная двумя треугольниками: один, вершиной вверх, символизирует изначальный божественный огонь (активный мужской принцип); а второй, вершиной вниз, — воды первозданной материи (пассивное женское начало). В получающемся рисунке присутствуют символы и других (промежуточных) стихий: воздуха и астрального света, земли, или плотной материи, и др. Это один из наиболее фундаментальных оккультных (и в частности, магических) символов. В Европу этот знак (вместе со своим названием) пришел с исламского Востока, где бытовало множество историй о царе Соломоне и его магической печати, дававшей власть над низшими духами. В Индии этот символ весьма распространён как «Знак Вишну». По мнению Е.П.Блаватской: «Когда греческий христианский священнослужитель, благословляя, держит три пальца вместе, он просто делает магический знак — волею треугольника, или „троицы“».

¹⁴¹ Лунный Бог — здесь, Иегова-Адонаи.

сын Иакова-иудея
Первосвященник Израильский
Царь Ура Халдейского

И духи Луны, тихо звеня, припали к плите и целовали её, обливая светом смерти.

— Духи Луны! — воззвал я. — Ведите меня к шалашу Великого Эммельседека, не имеющего ни начала, ни конца дней, — Царя и Отца планеты, Того, чьё истинное имя — Молчание!

И серебряным светом рассмеялись духи Луны.

— Вот Дух, не знающий истины! Ты хочешь видеть того, чьё истинное имя — Молчание? Он давно уже ушёл отсюда¹⁴² — ищи его в Стране Больных Грёз и Лукавых Сновидений! Она лежит там — за горной грядой Человеческих Страданий, за Чёрным Путём Вечной Смерти, за окаменевшими рощами Несбывшихся Мечтаний, за сонными озёрами безвременно Угасших Надежд¹⁴³!

И я развернул свои огромные серые крылья — а они простираются от полюса до полюса — и полетел. Вот мимо меня, как тяжелые лавины, катились со зловещим грохотом огромные шары планет, опоясанные огненными лентами электрических течений; раздвигая толщу космических облаков, мелькали, сияя мерным мертвенным светом неродившихся вредных туманов, кометы; пролетали, испепеляя всё ужасным жаром, очаги Света Вселенной — пылающие солнца...

А я всё летел туда — в глубь несуществующей Вечности — в мрачные Провалы Бытия...

И я миновал сонные озёра безвременно Угасших Надежд, окаменевшие рощи Несбывшихся Мечтаний, чёрный путь Вечной Смерти и горную гряду Человеческих Страданий. И вот — развернулась предо мной Страна Больных Грёз и Лукавых Сновидений.

И была то узкая, длинная долина, и два светила было над ней: первое — Луна с высившимся под ней храмом Адонаи¹⁴⁴, но то была не обыкновенная спутница обыкновенной Земли, свет её был мертвеннее — будто гигантская могила светила миру лучами Великого Гниения, Великих Разложений¹⁴⁵; а второе — Солнце, но не горячее бесстрастное Солнце Земли, а печь огненная, где беспрестанно сжигались и вновь восставали из пепла бесчисленные Больные Грёзы и Лукавые Сновидения.

И была здесь долина Разноцветных Трав, где бледные венчики эфирных цветов струили смертельные, но сладкие ароматы Забвения; были озёра, покрытые ковром из мертвенно-белых лилий и жёлтых кувшинок — эмблем Воображаемого Зла; стояли рощи с листвою зеленовато-свинцового цвета, где каждое дерево источало ядовитую смолу Обманчивых Постижений. И по бесчисленным дорожкам бродили неверными, качающимися шагами

¹⁴² ...чьё истинное имя — Молчание... давно уже ушёл отсюда... — Это утверждение (что Царь и Отец планеты, которому предназначено быть ее «могильщиком», уже покинул ее), вместе с описанием пустынных и безжизненных «лунных» ландшафтов Земли, наводит на мысль о том, что рассказчик далеко шагнул в пространстве-времени не только по первой, но и по второй составляющей. Он видит Землю в состоянии так называемой обскурации, или малой Пралаи, когда человечество «умерло» на этой планете с тем, чтобы продолжить свою эволюцию на следующей в своей планетной цепи.

¹⁴³ ...за горной грядой Человеческих Страданий, за Чёрным Путём Вечной Смерти, за окаменевшими рощами Несбывшихся Мечтаний, за сонными озёрами безвременно Угасших Надежд — то есть за пределами сферы человеческих чувств и переживаний, порождаемых Майей — Великой Иллюзией обособленного бытия.

¹⁴⁴ ...Луна с высившимся под ней храмом Адонаи... — Луна как владычица снов, грёз и воображения и ее храм закономерно доминируют здесь.

¹⁴⁵ Гений Великих Разложений. — Луна как мертвое и разлагающееся небесное тело оккультно связана с процессами распада.

бледные, измождённые люди с глазами, горящими лихорадочным огнём¹⁴⁶, зажжённым магическим дыханием опиума, гашиша и других ядов. Одни были одеты в одежды египетских жрецов и фараонов, другие — в забрызганные кровью хитоны христианских святых, третьи — в мантии средневековых алхимиков, четвёртые — в одеяния индусов, пятые — в красный бархатный плащ Мефистофеля...¹⁴⁷ Все они встречались и сталкивались, расходились, но, не видя друг друга, всё тем же неверным, колеблющимся шагом подходили к широкой реке, бесшумно катившей здесь же свои мутные, жёлтые, как желчь большой Змеи, волны и пили из неё торопливо и жадно...

И была то река Великой Лживой Мудрости¹⁴⁸. И по мере того как они пили, на берегах реки возникали из ядовитого тумана призрачные постройки: то индусские пагоды, то греческие и египетские храмы, то причудливые церкви и дворцы. И люди с мерцающими безумием глазами входили в них, совершая воображаемые ритуалы и служения, и в больных взорах вставляли фантомы никогда не живших или давно умерших людей, и безумцы украшали их бледные, с мёртвыми глазами, головы странными диадемами из поддельных камней, рогатыми тиарами древних жрецов и клафтами фараонов. И они писали книги, эти люди, — большие, толстые книги и переплетали их в свиную кожу, и были буквы в них, как кровь мертвенная, а со страниц подымались к небу спирали ядовитых чёрных испарений.

А далее — вились дороги, усаженные колючим терновником, кустами белладонны и бледными орхидеями; обливаясь потом и кровью, брели по ним люди, падая и подымаясь, с безумием во взоре и экстазом в сердце, и когда они достигали конца дороги, она оказывалась началом. И везде на дорогах стояли надписи, называвшие путь, и те, кто шёл по одному пути, считали других безумцами и врагами, не замечая, что все пути исходили и сходились вновь в одной и той же точке¹⁴⁹.

И была тиха и беззвучна Страна Больных Грёз и Лукавых Сновидений. Но люди слышали музыку, как слышат во сне. И были здесь призраки великих пустынь и великих морей; странные корабли бороздили их, и все они плыли в неизвестном направлении, равно как в неведомых далях исчезали призрачные караваны.

— Они войдут в райские долины Экстаза! — говорили люди.

О, я видел эти долины — то были чёрные продолговатые ямы, где стояли изъеденные червями гробы, и люди падали в них с лицами, искажёнными судорогами блаженных

¹⁴⁶ ...бродили неверными, качающимися шагами бледные, измождённые люди с глазами, горящими лихорадочным огнём... — Этот фрагмент населяет призрачный ландшафт мертвой Земли блуждающими тенями с характерным для них поведением.

¹⁴⁷ Одни были одеты в одежды египетских жрецов и фараонов, другие — в забрызганные кровью хитоны христианских святых, третьи — в мантии средневековых алхимиков, четвёртые — в одеяния индусов, пятые — в красный бархатный плащ Мефистофеля... — В теософской традиции, провозглашающей целью стремлений ЕДИНОЕ Сокровенное Знание, отдельные религии и философские школы рассматриваются в качестве фрагментарных искривленных отражений отдельных аспектов мистической Правды-Истины, искаженно преломляющих ее в человеческом сознании.

¹⁴⁸ ...река Великой Лживой Мудрости — по-видимому, должна рассматриваться как образ, отражающий идею неизбежной ложности (в силу фрагментарности и искаженности) любой теории, вкладывающей свет высшей реальности в прокрустово ложе формальнологических схем.

¹⁴⁹ ...и когда они достигали конца дороги, она оказывалась началом ... все пути исходили и сходились вновь в одной и той же точке... — Идея всеобщей цикличности эволюции является одним из наиболее фундаментальных положений эзотерической философии (отсюда знаменитый символ европейского оккультизма — змея, кусающая свой хвост). Этот же принцип провозглашает Христос в Евангелии от Фомы: «Ученики сказали Иисусу: „Скажи нам, каким будет наш конец?“ — Иисус сказал: „Открыли ли вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, там будет конец. Блажен тот, кто будет стоять в начале: и он познает конец, и он не вкусит смерти“» (Апокрифы древних христиан. — М., 1989. — С. 252). Но смыслом замыкания круга является переход в этой критической точке на качественно более высокий виток. Иначе вечное развитие оборачивается дурной бесконечностью вращения на месте.

экстазов, падали, шепча молитвы или мантры древних заклинаний...

И была здесь гора, а на горе сидел, невидимый людьми, Он — Владыка Страны Больных Грёз и Лукавых Сновидений¹⁵⁰.

И был Он прекрасен, грустен и тих. И когда зашелестели над ним крылья мои — ибо покров их охватывал и его, — он поднял на меня бездонные очи, и улыбка заиграла на его бледных прекрасных устах.

— Посмотри, — сказал он, — на моё царство. Разве не благодетель я для моих подданных? Разве не ко мне идут униженные и обиженные, поруганные и угнетённые? Разве не я подношу к жаждущим, иссохшим устами амфору с дивным напитком Великой Фантазии? И скажи: не благо ли иго моё? О, пусть многие из них поносят меня — моя любовь к ним превыше всего!

И он тихо засмеялся, и в смехе его я услышал вопли тысяч и тысяч страдавших и страдающих поколений¹⁵¹. Да, они утонули в тихом смехе Владыки Страны Больных Грёз и Лукавых Сновидений.

И когда он смеялся, на склоне горы, служившей ему подножием, раскрывались могилы, и из них выходили бледные, с горящими глазами и алыми устами вампиры, и кидались вниз, к людям, и, невидимые ими, пили их большую кровь.

— О ты, дух, смеющийся воплями тысяч поколений, — сказал я, — укажи мне дорогу туда, где кончаются Пути Жизни?¹⁵²

— Лети туда, где увидишь лучи Великой Багровой Звезды, — ответил Он мне.

— Она горит там, где кончается Вечность,

— за Оградой Бытия, над Кладбищем Вселенных.

Я вновь распустил свои серые крылья и ринулся в бездны Провалов Бытия — в пучины Хаоса, в царство Мрака — туда, где одиноко сияла Великая Багровая Звезда. И я пролетел над концом Вечности, над Оградой Жизни и опустился на Кладбище Вселенных. И вот я снова увидел пустыню: над ней не было ни Луны, ни звёзд, — только одна Багровая Звезда Вечной Смерти Всего Сущего.

И в пустыне одиноко белела мраморная гробница; в изголовье был водружён простой чёрный крест, а у креста стояла фигура, и черты её скорбного лика были чертами Великого Галилеянина.

И Он плакал¹⁵³ — и слезы Его бесшумно падали на мрамор гробницы, выжигая на ней

¹⁵⁰ Владыка Страны Больных Грёз и Лукавых Сновидений. — В теософской традиции этот образ великого демона иллюзии принято называть буддийским именем — Мара, преодоление власти которого и делает человека Просветленным Буддой.

¹⁵¹ ...вопли тысяч и тысяч страдавших и страдающих поколений... — В буддизме сама материальная жизнь, будучи продуктом великой иллюзии, рассматривается как страдание, откуда следует необходимость освобождения из колеса перерождений (сансары) через преодоление иллюзии и просветление. «Лестница, по которой стремящийся поднимается, построена из ступеней страдания и скорби; утешить их может лишь голос праведности» («Голос Безмолвия»).

¹⁵² ...дорогу туда, где кончаются Пути Жизни — к пределу вещественного (а следовательно, иллюзорного) бытия. «Конечная битва может быть выражена так: держись твердо того, в чем нет вещественного бытия. Внимай только тому голосу, который говорит без звука. Смотри лишь на то, что равно незримо как для внешнего, так и для внутреннего чувства» («Свет на Пути», II, 19-21).

¹⁵³ ...у креста стояла фигура, и черты её скорбного лика были чертами Великого Галилеянина. И Он плакал... — Теософская традиция толкует конечное освобождение духа как мистическое воссоединение с ЕДИНЫМ, — а это и собственное высшее «Я» стремящегося, и единственный истинный Субъект всего сущего. В эзотерическом христианстве это скрытый в каждом существе Христос, долженствующий проявиться в каждом человеке, и Христос как надбытийная ипостась божественной Троицы. Потому вполне оправданным выглядит символическое присутствие там, «где кончаются Пути Жизни», нетленного материального образа Христа, скорбящего по тем, кто так и не достиг Великого Освобождения в завершившемся здесь цикле материального бытия.

надпись:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Слово об авторе

Во все эпохи, среди всех народов и рас жили люди, поднимавшиеся на высокие ступени духовного развития. Созидая свой храм духа, они проходили жестокие испытания и многие из них стали достойны Мудрости Земли лишь после того, как заглянули в лицо смерти. Принадлежа к разным религиям, они делали единое дело — посылали в ауру планеты токи высоких мыслей, будили творческий импульс, поддерживали верное движение эволюции, гармонизировали жизнь человечества в отношении Космоса. Они владели чудесными силами и потому преображали природу, а молитвы их достигали Высших Миров. Их жизни — легенды, их воплощения — тайны.

«Мистерия Христа» написана от лица одного из этих людей — от имени Великого Посвященного, Фалеса Аргивянина.

Когда несколько лет назад судьба подарила мне машинописные листы «Мистерии», вопрос о происхождении ее был неясен. Молчали энциклопедии, молчали оккультные источники. Было желание отождествить автора с Фалесом, гражданином милетским, финикийцем по рождению, античным философом и магом, получившим посвящение в Египте...

Через годы, приехав в Одессу, я спросил у одного исключительно умного знакомого мне человека, известен ли ему Аргивянин. Спросил без надежды, как спрашивал уже многих, и неожиданно получил ответ:

— Это Георгий Осипович Вольский! До революции — редактор одной из одесских газет, внешне походивший на Максима Горького и, по собственному признанию, в прошлом воплощении — Фалес Аргивянин.

Мой знакомый, лукаво блестя финикийскими глазами, поведал то небольшое, что ему было известно о Вольском. Вскоре после революции он был арестован и приговорен к расстрелу, но чудесным образом неожиданно освобожден. Не имея возможности, по видимому, покинуть Одессу, Вольский тайно поселился у Анастасии Васильевны Теодориди. В вынужденном домашнем заточении, покидая квартиру только по ночам, Георгий Осипович имел возможность глубоко, сосредоточенно погружаться в свой прошлый богатый духовный опыт — высокие сферы духа, — в результате чего родилась «Мистерия Христа» и другие необыкновенные рукописи.

Обладатель финикийских глаз, раскрывший мне тайну Вольского, познакомил меня с женщиной, в молодости близко знавшей духовную подругу Фалеса. Она и рассказала историю Теодориди.

Анастасия Васильевна была удивительным человеком и оставила о себе поистине высокую память. Многие годы она преподавала вокальное искусство в одесской консерватории. Посторонние не догадывались о ее насыщенной духовной жизни и необыкновенных способностях, которые она тщательно скрывала, следуя традиции всех истинных оккультистов.

Лишь иногда сокровенный облик этой женщины являлся окружающим во всем своем таинственном и прекрасном свете. Так, однажды, случайно узнав о душевно больной женщине, Анастасия Васильевна предложила для ее спасения свою ночную рубашку, которая чрезвычайно гармоничными и сильными эманациями целебно преобразила несчастную. Иногда в присутствии учениц, любовно называвших ее «Мама Настя», Теодориди охватывало некое странное дремотное состояние, обнаруживавшее ее присутствие за порогом земного.

— Как трудно жить сразу в двух мирах! — вырвалось однажды у нее.

Г.О.Вольский, до последних дней (где-то в 30-х годах) жил тайно у Теодориди. Даже после ухода он продолжал общение со своей духовной сестрой, диктуя не законченную при жизни работу и письма о своем новом существовании.

В одном из них есть такие слова: «Суд произошел на горе Синае. Всё взвесили, и слово изреклось: „Да будет ей в смерти бессмертие!“». Как по высшему решению — в 1958 году Анастасия Теодориди совершенно осмысленно покинула эту жизнь, трудясь до последнего дня. Перед уходом она легла и так оставалась в покое до вечера, после же обратилась к подруге со словами:

— Я буду умирать, ты не волнуйся, я все тебе сказала.

Ночью тихо и в полном сознании отошла.

Вольский вплоть до своих последних дней писал необычные тексты, отмеченные гностической интуицией. Но в тетрадах Теодориди их сохранилось немного. Большинство текстов посвящено каббалистической и теософской интерпретации преданий.

Вместе с Теодориди Вольский занимался дешифровкой текстов Библии и, подобно Фабру д'Оливье, дошел до высочайших символических смыслов Великой Книги. Однако Вольскому и Теодориди было сообщено, что открытые знания, попав в руки недостойных, могут послужить во зло, и потому, по общему решению, уже законченный труд был сожжен.

«Мистерией» труд Фалеса Аргивянина назван и должен пониматься не в средневековом значении этого слова. Это не только и не столько религиозная драма, но именно в мистическом смысле — Мистерия, действие и состояние, когда сознание человеческое вмещает истину, суть мира. Мышление раскрывается, развертывается, и в этом откровении познается теургическое единство Вселенной.

Мне думается, что «Мистерия Христа» не Евангелие, не Благая Весть от одного из учеников Христа, и было бы заблуждением воспринимать ее так.

Книгу Фалеса-Вольского следует понимать в смысле личного тайного откровения автора, пережившего мистирию, ставшую для него «таинственной былью», былью теснейшего приникновения к сокровенной истине.

Станислав Айдинян